

ISSN 0131-6095

Русская литература

2

2016

Санкт-Петербург
«НАУКА»

Русская литература

2

2016

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

2016

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Т. Б. Карбасова, Т. Р. Руди. О формах монашеского жизнеустройства в средневековой Руси (на материале древнерусских житий XI—XVII веков)	5
Ю. М. Прозоров. «Занялся от страха дух...»: «ужасное» в эстетике и поэзии В. А. Жуковского	19

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. В. Майоров. Две даты взятия Киева монголами в русских летописях	51
Г. В. Маркелов, А. В. Сиренов. О личности автора лицевого «Летописца о небесных знамениях»	59
А. К. Федотова. Элегии Ф. Я. Козельского	65
Н. Б. Алдошина. «Где речка быстрая течет...» (об эпиграмме И. С. Тургенева на В. П. Боткина)	76
Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут (публикация А. В. Романовой)	92
Золтан Хайнади (Венгрия). Символическое знаменование первообраза через образ (топос сада и парка у А. П. Чехова)	100
Н. Ю. Грыкалова. От экфрасиса к интертексту (вокруг стихотворения Вяч. Иванова «Нарцисс. Помпейская бронза»)	114
А. В. Лавров. Как Корней Чуковский не стал политическим заключенным (материалы к истории журнала «Сигнал»)	124
Л. В. Спроге (Латвия), Т. С. Царькова. «Некий Мордвинов по-русски перевел наши стихи»: о переводах латышских поэтов в начале XX века	141
А. С. Александров. Из истории подготовки Собрания сочинений К. Гамсуна в издательстве «Товарищество А. Ф. Маркс»	152
Приложение. Письма М. П. Благовещенской к А. А. Измайлову	158
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной) (Окончание)	162
С. Л. Фокин. О Пьере Паскале и его «Достоевском»	211

М. В. Ефимов. О хоровом пении и заветах символизма. Из комментария к рассказу В. В. Набокова «Облако, озеро, башня»	223
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Д. М. Буланин. Старейшие памятники исторического повествования в Древней Руси: летописи, хроники, хронографы	231
К. Б. Егорова. Русская литература XVIII—XXI веков: словацкий взгляд	240
В. Ю. Вьюгин. Власть, народ, поэзия и переводчик	241

ХРОНИКА

Е. И. Гурова. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г. М. Фридлиндера	244
Н. В. Лоцинская. Четвертый Международный семинар «Зачеркнутое слово в перспективе художественного высказывания»	248
Т. В. Игошева. Научная конференция «Иннокентий Анненский (1855—1909): жизнь, творчество, эпоха»	253

**Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН**

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА*

*Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

© Российская академия наук, 2016
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2016
© ФГУП «Академиздатцентр «Наука»,
ОП «Наука»-«СПИКФ», 2016
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2016

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ

ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО:
1909 ГОД(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. Р. ОБАТНИНОЙ)*

(Окончание)**

Петербург 1909

25 мая

Тепло и пасмурно, шел дождик. На бельгийском заводе кроме пяти еще появился ряд палаток на другом конце двора: белые палатки шатром. Глядел вчера в окно ночью: редкий уголок Петербурга — здание Бельгийского завода, а там Обуховская больница, веселая зелень, каменный уголь и палатки в белую пасмурную ночь.¹

Холерных сегодня, по Вечерней Биржевке, 7^ч — уменьшается. Мечников говорит, что от воды:² большинство из заболевших взяты с пароходов.

Вчера я писал тебе о поездке к Раисе (Шалауровой),³ я подумал: если бы нам устроиться, хотя бы на несколько недель самостоятельно, чтобы не разговаривать, когда не хочется, и не вытягиваться и не ждать в очереди.

Во сне видел Чуковского. Сон означает: жди, кто-то «приятно» обманет.

К Котылеву⁴ не ходил, а написал Чуковскому⁵ о издании у Маркса или что-нибудь в «Ниве». Просил ответить. Если у Маркса ничего не выйдет, тогда к Котылеву попробовать «темного человечка» [Этот «темный человечек» впоследствии окажется Стракун, издательство «Прогресс», через Котылева будут изданы Стракуном мои рассказы, 1910 г<од>].⁶

Из газет: Лопухину заменена каторга поселением, теперь подано на Высочайшее имя.⁷

Тебе письмо от Карамазиновой [Бестужевка, в «Оле» — Женя Шубина],⁸ она пишет о детях и что живут они не плохо и не хорошо. Хотел переслать, да потом подумал, стоит ли, и распечатал. Как видишь, ничего особенного.

И письмо от С. В. Лурье («Рус<ская> Мысль»):⁹ 23 мая 1909 Москва.

«Получил ваше письмо и рукопись. Не ответил тотчас потому, что уезжал. А по возвращении болел. Рассказ ваш, как я об этом говорил Серафиме Павловне, мы охотно поместим, но... с вынужденною оговоркою. Состояние нашего бюджета таково, что мы некоторое время должны соблюдать строжайшую экономию и вследствие этого можем оплатить ваш рассказ гонораром в размере 100 руб. за лист. Если вы можете нам на этих условиях доставить рассказ, буду очень рад. Жду вашего ответа. Само-собой разумеется, что означенный гонорар не является прецедентным для будущего».¹⁰

* Архивные изыскания и подготовка рукописных текстов к печати выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00129).

** Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д' Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1985. № IV. С. 149—190; 1987. № VI. С. 237—310; 1990. № IX. С. 443—498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 2014. № 1. С. 149—178; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. № 3. С. 142—184; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // Там же. 2015. № 3. С. 153—203. Далее ссылки на эти публикации даются сокращенно: На вечерней заре, с указанием года и страницы.

Придется согласиться, попрошу аванс в 200 руб. или попросту весь гонорар вперед. Наверно, наберется больше 2-х листов. Называю «Стан половецкий» [«Оля» I часть, глава из «В поле блакитном»] [«Рус(ская) Мысль», (оставлено место для выходных данных. — Е. О.)].¹¹ Подожду твоего письма. На дворе песку привезли, и сколько детей копаются до самого вечера. И тоже будет завтра: «в песочек играть» первая забава. И затягивающая игра, как в подсолнухи — никогда бы не кончил. И все подкопы и сооружения — один песок. Как и все — разница только во времени. В игре — до вечера, а в жизни — до первого пожара.

Из газет вырезал тебе любопытный документ из Пскова, называется «Эпизод из „Бесов“». ¹²

А что делать с «Зол(отым) Руном»: на мое письмо ни(ка)кого ответа. И как получить остающиеся за ними 50 руб.? ¹³

Никто не приходил. И слава Богу. Завтра, как пойду из «Сатирикона» в «Речь», посмотрю памятник на Знаменской. ¹⁴

Благословляю тебя, с нетерпением жду твоего письма.

Все-таки каждый день какие-нибудь новости пишу, а называю «столичные».

Петербург 1909

26 мая

Видел во сне твоих бабушек и дедушек — род Довгелло и Самойловичей, и еще А. П. Нелидова [актер Театра Коммиссаржевской]¹⁵ и его жену Марью Дмитриевну.

Ждал твоего письма и решил сам написать С. В. Лурье о моем согласии печатать «Стан половецкий» за 100 руб. лист, только чтобы аванс прислали 200 руб. Больше нельзя просить — 2 листа ведь в рассказе. Много раздумывал: если не в Рус(скую) Мысль, то куда? А надо решать.

В час вышел в «Сатирикон». В дверях швейцар передал твое письмо (№ 4), написанное в поезде, — штемпель: Киев, 25-го V, — путешествовало в Киев. Прочитал письмо и тогда опустил Лурье.

В «Сатириконе» назначили прийти завтра в 2 (часа), пообещали деньги за сказку, придется просить 20 — 15 коп(еек) строчка. Хочется мне за квартиру заплатить — за июнь. Из «Сатирикона» прошел по Невскому до Николаевского вокзала, видел памятник Александру III — действительно, «основательный» и с задумывающимся, сколько матерьялу пошло!¹⁶

После обеда поехал на трамвае в «Речь». Та-то Соломоновская¹⁷ нездорова, с другой разговаривал, — она справлялась у Гессена¹⁸ — будто бы сделано распоряжение отдать в набор, записала мой адрес, обещает известить дня через два. И верю и не верю.¹⁹

Думаю написать Бутовой:²⁰ поговорила б с Милиоти,²¹ может, он что-нибудь сделает: от Рябушинского нет ответа.²²

На очереди два письма: Кулакову о месте в «Общественной Пользе»²³ и Неведомскому о «Мире Божьем» узнать,²⁴ приняли бы мое или и нет, соваться нечего. [Неведомский что-то с Осоргиным²⁵ общее — благорасположенность, а был он что-то вроде секретаря, ближайший к «Миру Божьему»].

А то ведь так можно и живот свой скончать в «Панораме» за 8 руб. 25 коп. («Небо пало»).

По дороге никого не встретил.

В «Сатириконе» познакомился с карикатуристом Юнгером,²⁶ видел Рославлева²⁷ — пиво пьет, а в последний раз, когда был «перед Алушкой», графин воды выпил. Я спрашиваю:

«Александр Степаныч, когда в Алушку?»

А он подумал и говорит:

«Да я уж вернулся».

Подарил мне Аверченко²⁸ «Весь Петербург» — альбом карикатур.²⁹

А в «Речи» видел Колтановскую³⁰ [не могу вспомнить, но что-то мне кажется, что это что-то мужевидное].

Закат мая, наступают теплые дни, на Литейном пихты позеленели — отворяй ворота; лето идет. И «белые» дороги ночи потемнели. Время живое идет.

Холерных 9, вчера 7 (по Вечерней Биржевке).

Н. С. Бутовой написал, посоветовалась бы с С. В. Лурье, надо ж как-то насесть на Рябушинского. И Рябушинскому написал, и это в десятый раз, но как в первый с неизменным: 50 руб. И Виктору³¹ написал: жду обещанных.

Писем нет. Никто не приходил. Жду от тебя из Берестовца.

Благословляю тебя. Поедем когда-нибудь вместе Москву посмотрим, но никому об этом, и только мы вдвоем.

Петербург 1909
27 мая
12 ч(асов) н(очи)

Во сне приснились какие-то незнакомые военные в красных мундирах и (у) каждого по револьверу, но тихие: шпорами не звякают и дул не наставляют стрелять, и тут появился Соломон Сегаль,³² снял с одной ноги сапог и на обуви подпрыгивает, как дети скачут «на одной ножке».

Я думаю, сон надо толковать к хорошему. Да так и случилось: вечером получил твое письмо (№ 5) от 25 V, Борзна.

Вечером приходил Вас(илий) Вас(ильевич) Кузнецов [скульптор, муж Бурлючки Люд(милы) Дав(идовны)],³³ привез тебе письмо от Бурлючки. Приехал он в Петербург на три (sic!) что-то поправлять и что-то новое сделать, все по постройке у Лидваля.³⁴ Они останутся у Бурлюков³⁵ на все лето, а осенью поедут на Кавказ. Ты знаешь, как он сидит и как не видно края его разговору, я не вытерпел, дал ему «Золотое Руно», а сам сел писать.

Зашла Вал(ентина) Алек(сандровна) (Шалаурова). Я напоил и ее и его чаем. Она рассказала о своем неудачном путешествии в Крым. Оказывается, уж села в вагон и за минуту до отхода поезда ее высадили, потому что билета-то ей не взяли. Не то она опоздала заявить, не то ее не хотели объявлять, не разберешь. Одно — высадили. А поездка обошлась бы дешево: билет туда и обратно — 7 рублей.

Она зайдет с нафталином, дал ей денег, и переложит наше зимнее, но не «Розановскую шубу» — опять стало холодно.

Поутру грозовое небо — стало пригревать. Белая сирень у палаток в цвету. А у Семеновского моста на клумбах цветы.

В «Сатириконе» получил 20 руб. И такая досада, зашел конвертов купить и с меня содрали 25 к(опеек) за пачку. На Невском, говорят, не стоит покупать, а я-то думал, именно на Невском и дешевле.

Вернулся из «Сатирикона», принесли из «Русскую Мысль» 19 руб. 77 к(опек) доплата за «Бедовую долю».³⁶ Расчет на отрезном купоне: «Ночь у Вия» [«Посолонь»]³⁷ 50 руб.; «Бедовая доля» — 175 руб. Видишь, как платили-то мне по-царски! Что поделаешь?

В «Журн(але) для всех» лист — 150 руб., но их лист 40.000 букв и мелкий шрифт; в «Рус(ской) Мысли» лист 35.000 б(укв) и шрифт крупный, 100 руб. лист. А у меня теперь что же осталось: «Журн(ал) для всех» и только («Рус(ская) Мысль» занята), а «Золотое Руно», не знаю, так они измытарили меня, да едва ли и они дружелюбно посмотрят. В «Шиповник» С. Ю. Копельман³⁸ не позвал меня. Надо сделать попытку поговорить с Неведомским, я уже писал тебе, сначала выяснить принципиально, могут ли они принять мое «декадентство»: там марксисты или вроде Неведомского, вроде как марксисты. О «Русском Богатстве»³⁹ и говорить нечего: Горнфельд⁴⁰ мне прямо сказал, что им надо поглубже. В «Вестник Ев-

ропы»⁴¹ уж как старался Чуковский со «Слоненком»,⁴² его засмеяли — туда мне, как в «Русское Богатство», нечего и соваться.

Писем нет. В газетах: холерой заболело 5, вчера 7; и все <с> судов из пришло.

Завтра Котылев должен известить о деньгах — эти 8 р<ублей> 25 к<опек> из «Панорамы».

После Котылева думаю заплатить за квартиру (июнь).

От Чуковского нет ответа: уехал, должно быть. А мне хочется теперь же что-нибудь сделать с изданием книги.

Вот у меня какие планы: когда приедешь, поезжай с Вал<ентиной> Алекс<андровой> (Шалауровой) к Раисе,⁴³ хоть на неделю. Все равно, надо будет мне выяснит с книгой, устроиться, и я должен буду остаться в Петербурге. Скоро пойдет жара.

Благословляю тебя, поживи, подыши, походи среди зелени.

Петербург 1909

28 мая

совсем к 12 ч<асам> н<очи>

Снился мне К. А. Сомов: поет, а ты аккомпанируешь [у Сомова был хороший баритон]. Мы где-то наверху втроем, а внизу — много народа. Я спустился с лестницы и смотрю — а там сидят и ждут, когда еще запоет. А ног у нас не было, всего одна пьеса. И незаметно мы вышли из дому. Идем по деревенской улице: справа и слева черные избы, и очутились в Берестовце. И тут все ваши.

Письмо от Ив<ана> Ал<ексеевича> Новикова: будет жить под Мценском; если проездом будем, к нему бы заглянули. Получил 10 оттисков «Бедовой доли» и открытку от Анны Рудольфовны (Минцловой):⁴⁴ у ней взят билет на 30-ое и 31-го будет в Петербурге, зайдет.

Из газет: холерных 9, вчера 5; всего 34.

К вечеру Чуковский. У Маркса дело не выйдет: 1) издают книги не меньше 20 листов; 2) ко мне отношение недружелюбное — и «не понятно», и «декадент»; 3) покупают собрание сочинений; 4) значит, нечего и соваться.⁴⁵

Рассказ он берется снести в «Ниву», уверен, сговорился б.⁴⁶ Через две недели обещал зайти.

Я хоть и сказал ему, что, может, и успею приготовить в такой срок, но знаю, ничего не выйдет. Ты знаешь, сижу над тем, что было написано, и не успокоюсь, пока как-то не отделаю. Я переписываю и всякий раз выходит по-другому, а надо довести до копии.

У меня что есть [из «Оли». «В поле блакитном»]: I) «Под родным кровом», II) «Важное событие» [?], III) «Черная бабушка», IV) «Пасха». И есть еще совсем не разработано: V) «Подсолнечное», VI) «Первый роман», VII) «На новую жизнь».⁴⁷

О «Шиповнике» Чуковский думает, что у них просто нет денег и выдумывают разные отговорки и для всякого по-разному.

В «Общественной Пользе» у Кулакова в случае надобности, он может кое-что сделать. А завтра поговорит он с Манделем, издатель «Колосьев», альманах такой есть.⁴⁸ И известит, если удастся ему убедить Манделя, то я пойду к нему с карточкой Чуковского в понедельник.

Посылал я Василису к Котылеву, а он там и не живет и неизвестно, куда переехал; там он занимал комнату временно. Это меня еще раз убедило, как тут надо вести дела осторожно: с мелочью еще куда ни шло, а вот с книгой, надо наперед подумать. Мне надо получить из «Панорамы» за сказку «Небо пало» 8 р<ублей> 25 к<опек>.

Очень поздно пришел Соломон Леонтьевич Сегаль. Просится, если уедем, он посторожит квартиру.

Напоил я его чаем. И он рассказал мне случай: идет он по Невскому, задумался и вдруг видит, впереди собака и в зубах что-то тащит, он вгляделся и замер — в зубах у собаки чужья рука. А он еще не успел прописаться, и паспорт у него просрочен. А уж заметили, останавливаются и городской идет. Сейчас протокол, свидетели, хоть пропадай! И бежать, ни с места, ноги отнимаются, и одни на собаку, а другие на него: неспроста, мол. «Чем же кончилось?» — спрашиваю.

«Собаку повели в часть, а меня разогнали».

С Соломоном, еще с Вологды, помню, всегда приключения, а сам он объясняет, что так ему на роду написано. А мне на роду написано мытариться по редакциям.

Что же выйдет дело с Чуковским, или мытариться? Пение Сомова из сегодняшнего сна говорит, что выйдет, но приключение Соломона... а пожалуй, не выйдет.

Благословляю тебя, жду письма.

Кузнецову я сказал, как и Гиппиусам в письме, только о Берестовце, а о Москве ни слова.

Петербург 1909

29 мая

11 ч(асов) н(очи)

Мне снилось, что будто иду я по Литейному. А народу — вся улица — все запружено — толчея. На домах — у ворот и в окнах — и на трамваях флаги. «С сегодняшнего дня, — говорят, <—> дана действительно настоящая свобода». То будто я уже в саду, и Вяч. Иванов говорит, как возглашает: «Ныне и я изыду на улицу, ныне повелено!» А из сада я попал на какую-то каменную веранду. П. П. Потемкин⁴⁹ затягивает: «Кириэ лейсон»⁵⁰ и, заискивающе посмеиваясь, обращается ко мне: «Кириэ-лесон, а что это значит?» А я и сам не знаю, но не хочу сознаться и, подпевая «Кириэ лейсон», вижу себя в комнате, и там мой брат Николай,⁵¹ бормоча: «Господи помилуй-Господи помилуй...» и вдруг меня видит, обиженно: «Я секретарь Сената и жена моя не кухарка». А Сергей,⁵² в руках у него листок, и он начинает читать. Я не понимаю, о чем это он, но чувствуется что-то необыкновенное. «Странно, думаю, в этот день действительно настоящей свободы у Сергея обнаружился такой огромный талант!» И я иду по деревне, вышел на поле и полем в лес, а за лесом на горе поселок. Хожу из улицы в улицу, от дома к дому и, наконец, ткнулся лбом в стену — высокое здание с высокими окнами: больница. И надо пройти через здание — «и выйдешь на дорогу», — так мне говорит мой голос. И перехожу по коридорам. «Скорее, скорее!» — торопит меня. Но <не выйти> мне никак: у самой двери маленькая девочка, но крепкая, стриженная, ухватила меня за руку. С силой рванул я руки и вышел в сад. И вижу Мейерхольд висит на ветке обезьяной. Я очень обрадовался и показываю ему исцарапанную руку: «Посмотрите, говорю, какая-то вцепилась, я думал, уж пропаду». К воротам больницы подъезжают коляски. Это, думаю, холерных привезли: «Одну минуту промедли, и сам бы угодил!» И в тоске я проснулся.

Ходил к газетчику посмотреть «Новое Время»: Буренинского фельетона нет.⁵³

И в «Панораме», № 6 никаких моих сказок. Напишу Рославлеву, авось, отыщет Котылева.

Вчера, как письмо тебе заклеил, проходя по нашей «столовой» [средняя комната, между моим закутком и комнатой С. П.], увидел в окно зарево: горело далеко, но прямо против нашего дома. Из газет сегодня узнал, что был пожар на Обводном канале: сгорел двухэтажный деревянный дом.

А как это жутко зарево белой ночью. И тянет, не оторвешься. Для всех ли так, не знаю, но меня огонь — всю душу выворачивает. То ли я напуган нашими пожарами,⁵⁴ то ли моя природа — огонь. И есть какая-то связь с музыкой. Огонь для меня звучит, а музыка пылает.

Заплатил за квартиру (июнь).

Письмо от Виктора. Обещанные 70 руб. он пришлет в первой половине июня и больше не может, о дне посылки телеграфирует.

Приходила днем Т. Н. Гиппиус. Расспрашивала, конечно. Отвечал ей кратко. Я ей сказал, что ты с ней сама поговоришь. Это насчет нашего долга. А *(sic!)* что ты вызвана в Берестовец: захворала мать.⁵⁵ И скоро вернешься. Т. Н. Гиппиус оставила свой адрес, но только для писем. От Розанова она получила деньги за портрет. Я подумал, вот бы тебя нарисовала, память была бы.⁵⁶ И опять вспомнил, что мы ей должны, и говорить о портрете неловко. [Т. Н. Гиппиус художница, а ее сестра Наталья — скульптор. Их называли: Тата и Ната, и они были неразлучны]. Наталья Ник(олаевна) Гиппиус провалилась по анатомии.⁵⁷ Обе уезжают завтра.

В обед принесли перевод — 200 руб. из «Рус(ской) Мысли» — аванс за «Стан половецкий» [«Оля». Ч(асть) I].

В Вечерней Биржевке выругали меня за «Бедовую долю» [сны, напеч(атаны) в «Рус(ской) Мысли»].⁵⁸ Ну, мне не привыкать стать. Чем-то я бережу критическое сердце наших «критиков». Почему все они какие-то слюнявые и замогильные вроде А. А. Измайлова, с черными ртами и желтыми пятнами, подтеком гложащей червивой злости?⁵⁹

Холерных — 8, вчера 9, всего 41.

Знаешь, я вчера перепутал адрес Котылева! И напрасно сердился. И мне перед ним стыдно, а за свое — досада. И как это меня угораздило, все, ведь, записываю, чего и не надо и постоянно путаница. Это все равно, как я вещей не могу находить, мною же сложенных в образцовом порядке. Посылал Василису и получил — 7 р(ублей). 50 [8 р(ублей). 25 — 7 р(ублей). 50 = 75 к(опек)]; 75 коп(еек) Котылев себе взял «комиссионных».

Так день закончился миром.

Очень тепло. На дворе гармонья и скрипка. И плачут дети — подрались, должно быть. [«Бурков дом» из «Крестовых сестер»]. В углу у пяти палаток показался еще белый шатер, раньше не было.

Какое-то завтра известие от Чуковского? А как меня с «невскими» конвертами надули: просил плотных, а подсунули просвечивающих, и заклеивать зря, как открытки.

Благословляю тебя, поживи, посмотри на сад, и на поля — поди, весь голубой цветет лён.

Петербург 1909

30 мая

Какой-то гнетущий сон! Мне снилось, что какой-то человек хочет убить меня. Он очень похож на того, который приставал к Наташе (к будущей, не теперешней),⁶⁰ а ты защищала, помнишь, я тебе писал, не помню, когда это мне снилось. Он с рыжими усами, без бороды. Я знаю, что перед этим человеком я ни в чем не виновен, но вообще-то я чувствую себя перед кем-то виноватым, а потому у меня нет силы сопротивляться: хочет убить, пускай убивает.

Это все равно, как вора задержал бы вор. И уличенный вор сказал бы вору: я пойду и донесу на тебя, что ты вор. Конечно, у вора, уличенного вором, не было бы сопротивления сопротивляться. Или это сравнение не подходит? Я хочу сказать: перед тобой я не виновен, но перед кем-то, да и не все ли равно, тот ли меня карает или ты. Сознание своей вины меня сковывает.

В этом и все содержание сна: угроза, перед которой не можешь смириться.

И когда я проснулся, гнетущее чувство, охватившее меня, не отпускало весь день.

[Вещий сон. Все больше убеждаюсь, как много человеку открыто, только он не замечает или, как я, и чувствую, а не доверяю].⁶¹

Из газет: умер «шлиссельбуржец» Манучаров в Благовещенске⁶² — в «Речи» о нем Новорусский.⁶³

Два письма: от В. Ф. Ходосевича⁶⁴ из Москвы, помнишь, такой червовидный с гнусой: пишет о своих стихах для мифического «Острова»;⁶⁵ и от Е. Г. Лундберга. Из Одессы выезжает в Силистрию⁶⁶ и будет через 3 дня на Балканах; до 15 июля адрес его: Черногория.⁶⁷ Это не особенно завидно.

В Вечерней Брижке телеграмма: в Марселе землетрясение, не настоящее, конечно, а для «хроники». ⁶⁸ Без событий, если наелся, жить скучно. Принесли «Сатирикон», купил «Огонек» — открытие памятника Александру III изображено.⁶⁹ Вымыл себе голову. Приходила Вал(ентина) Ал(ександровна) [Шалаурова]:⁷⁰ собирается к Раисе⁷¹ в Сольвычегодск после 5-го VI. Хочет ей тебя дожидаться.

Вот и все сегодняшнее.

От Чуковского нет, нет и из «Речи». Попросил Вал(ентину) Ал(ександровну) справиться, как звать ту, что заменяет Соломоновскую: напишу ей.

Отвечаю, читая твое письмо.

В восемь, вечером получил № 6 (№ 2 из Берестовца) от 28 (Борзна), 2 дня шло.

Я ложусь около 3-х в самое пение соловьиное, по-берестовецки, а встаю в 11-ь. Наташа, верно, от птичек не отличишь, все бы ей петь, от зари до зари, кланяйся и соловью и Наташе.

Не беспокойся, я всем своим растерянным умом раскидываю, все хочу к твоему приезду устроить: собрать все пожитки — кончить дела с «Речами», «Панорамами», а главное, что-то сделать с «Караван-горюном». ⁷² [Уж не «Неумный бубен» так назывался?]⁷³

Что мне было делать со «Станом половецким», как только согласиться отдать в «Рус(скую) Мысль». Но никак не в «Золотое Руно», там тоже дали б 100 руб. за лист, это во-первых (за «Иуду» (трагедия) с правом отдельного издания 500 руб., около 5 листов!), но так бы заплатили, что измыта(ри)ли бы меня в конец, это во-вторых. Ведь ответа мне нет от Рябушинского. Мои письма о (sic) этих несчастных 50-и рублями, хоть и очень простые, но есть в них упрек: нельзя так тянуть — бессовестно.⁷⁴

А больше, куда было ткнуться? Да некуда. После появления «Бедовой доли» против меня многие — вся эта литературная сворь и «честные» и «жулики», «умные» и дураки. А если куда в альманах, то, не обойти, через Котылева. Котылев ко мне не «каторжник», как к другим,⁷⁵ но надо быть осторожным, а это ведь ужасно. Человек всем сердцем, а поручиться нельзя, что чего-нибудь не стянет, и как раз очень нужное. Помнишь, тоже, как мой благодетель Рославлев, достал (выколотил от издателя) и повез мне гонорар 80 руб., но по дороге за мой счет подкрепился, и чего-то стоил лихач, нанятый им, чтобы поскорее. И оказалось, что весь мой гонорар он «с любовью» спустил. Это когда мы жили на 5-ой Рождественской, и был колючий холод, а на дрова купить не было.

Да, некуда, вот что.

Я напишу С. В. Лурье, объясню, чтобы восстановили при первой же возможности мое гонорарное звание: «Русская Мысль» мне платила 150! И еще хочу написать ему, что не надо примечания к «Стану половецкому» о том, что это I ч(ась) «Недобитого соловья». ⁷⁶ Пускай просто будет «рассказ», а то боюсь, что примечание свяжет меня, изволь и II ч(ась) им отправлять.

Куприна «Яма» интересна,⁷⁷ где идет описание обстановки, должно быть, это, как всякий «тайный порок», завлекает. Но рассуждения, «философия» мало чего стоит, а именно эта глубокомысленная чепуха и есть камушек, он и летит в эту са-

модовольную, самоуверенную читающую публику, которая всегда все зная, все может и все понимает, и как раз это купринское — «и мы так думаем». Легковесный писатель, раздутый по хорошим побуждениям (про звериную не знаю) совести.⁷⁸

Благословляю тебя, поживи и подольше — или уж трудно?

Петербург 1909

31 мая

12-ый ч(ас) н(очи)

Я перешел мост и попал в комнату.⁷⁹ Там вижу Легкобытов [петербургский хлыстовский наставник].⁸⁰ «Нет ли у вас, говорю, „Ж(ив)отной книги духоборов”». ⁸¹ А он подумал, готовый ответить, как входит «Кикимора» (Наталья).⁸² И тут я догадался, что она тоже хлыстовка. Она поздоровалась с Легкобытовым, сняла фартук. И я вижу, на ней светло-зеленый шелковый капот и странная, кикимора! (—) она еще чуднее. Она присела к столу: «Я хотела просить вас за мою дочь Надю!» — обратилась она к Легкобытову. А Легкобытов, не отвечая, только плечами передернул, значит, ничего он не может, и просить его напрасно. Тогда она поднялась — ее зеленая одежда, струясь, светилась, — взяла меня за руку и, словно желая показать, что она-то может очень многое сделать, все, держа меня за руку и перебирая мне пальцы, — лицо ее, я видел, порозовело, и вся она обвееалась алым — вдруг улыбнулась. И под эту пронзительную улыбку я взлетел на воздух. И проснулся.

Но сон продолжается. Я на Петербургской стороне, ищу квартиру Ал(ександра) Мих(айловича) Коноплянцева. [Его книга, одно из первых исследований о Константине Леонтьеве].⁸³ И вошел в какой-то дом. И мне говорят, что ты сидишь в отдельной комнате и что тебя никому нельзя видеть, потому что ты в «наитии» [трансе]. Но я не послушал и вошел в комнату. И вижу: ты сидишь, все лицо у тебя горит, ты смотришь на меня, но не видишь. Я наклонился и целую тебя в лоб. И тут появилась Анна Рудол(ьфовна) Минцлова и скоро, сливая слова, говорит: «Сейчас С. П. будет говорить». И меня охватил страх, и я проснулся.

Но сон продолжается.

Нас откуда-то выгоняли. «Пошел, пошел!» — только и слышу. Я упираюсь, а все-таки уходить надо. И я стал раздеваться, а не поддается, не могу развязать галстук, только затынул петлей, оборвал шнурки на ботинках, а не слезают, и глаз не могу закрыть, вздрогнув, в отчаянии проснулся.

[Последний сон очень близок к действительности завтрашнего дня. Скоро уж после разоблачения Измайлова, в какой-то газете будет «поставлен вопрос: можно ли меня терпеть в среде литераторов» и без всяких слов я встречу в редакциях только недоумение: как я попал сюда, да еще спрашиваю о судьбе своих сомнительных рукописей?]⁸⁴

В «Речи» Чуковский: «Апостолы трусости» — Сергеев-Ценский и Леонид Андреев.⁸⁵ Есть фраза про меня: «Человек — это разве не гнусно? — спрашивает А. Р.» Вот и все.

Вчера вечером умер Андрей И. Сомов, отец К(онстантина) А(ндреевича). [А(ндрей) И. Сомов хранитель Эрмитажа].⁸⁶

Открытка от Р. В. Иванова-Разумника: придет 4-го VI на ½ часа.⁸⁷

Приходил В. Хлебников — это, который «слова сочиняет», он написал стихи, посвященные Вяч. Иванову,⁸⁸ виделся с ним и очень доволен, рассказывал о свидании, как в Вологде влюбленный в Тарутину Стечкин, обрывая слова и захлебываясь.⁸⁹

Для тебя он оставил листок: что узнал о роде Довгелл. Прилагаю.⁹⁰ Может быть дополнением к вашему родословию.

Принесли «Тропинку» — бесцветно.⁹¹

Холера 17, вчера 11.

Приходится суп на один день делать, боюсь скиснет.

Вечером приходил Соломон [Сегаль], напоил его чаем. Говорит, что высшее удовольствие, которое может испытать человек, это вечером в тишине два яйца в мешочек.

Теплынь сегодня. Ты места не нашла бы в комнатах. А мне в самый раз. В первый раз я отворил окно настежь и письмо пишу с открытым. Мало пишу — вот только и произошло: сон, Чуковский, Хлебников, Соломон.

Завтра должен Котылев зайти. И может, от Чуковского письмо. Хочу ответить Ходосевичу, Новикову. Написать еще Л. И. Шестову⁹² и спросить Антона Васильевича Карташова:⁹³ где отыскать мне житие Ивана воина.⁹⁴

Благословляю тебя.

Выписка Хлебникова

Dowgiallo Dowgiallowicz

Землянин вол(ы)нский

Otrzymał dobra Pieczychosty

От Казимира Ягелло (ML36)

Андрушко и Михаил Довгелло

Были виленские бояре 1500 (ML 6)

Король Сигизмунд в 1514 — Przysądził — в тяжбе

Ленарта Довгиалова

С Ольбрехтом Гастольда

⟨е⟩тему ⟨?⟩ остатнему (ML 2)^a

Варвара Павловна

Вдова Станислава Ленартовича

харунжаго Вильны и сын Николая sprzedaya^b ⟨sic!⟩ в 1520

Kbileckiemu plac в W ie

Acta I VIII

Станко Довгайлович бояр в 1507

Пове́та⁹⁵ Сомилиск⟨ого?⟩

Записал жене своей Loynis lit ⟨sic!⟩⁹⁶

Миколай Д. б⟨оярин?⟩ пове́та Вилькомирского в 1520

Микола Микол⟨ович⟩ Д.

б⟨оярин?⟩ пове́та Васильевска^c

Петербург 1909

1 июня

12 ч⟨асов⟩ н⟨очи⟩

Во сне видел Наташу и Ляляшку [Елену].⁹⁷ Наташа в пруду живет: «и как она там живет?» — думаю, а зимой происходит дело. Я заглянул в прорубь и вижу, лежит — из-под воды смотрит, а в ручках по лягушке. «Прислуживают, верно?». Так подумал. А тут прибегает Ляляшка, меня не видит. И вижу, идет Сергей:⁹⁸ «Не знаю, говорит, что и делать, взяла Добужинская⁹⁹ Ляляшку себе „определила“ [как о «месте» говорится] в кикиморы в дупле — жить».

В «Речи» I-ое письмо Лундберга: «Из моих скитаний» — о своих прошлых путешествиях и Балканском решении побродить по Черной горе.¹⁰⁰

^a Буквально: этому последнему (польск.).

^b По смыслу: sprzedawa, т. е. продала (польск.).

^c Публикатор благодарит профессора Краковского университета Халину Вашкелевич за помощь в подготовке текста к печати.

Открытка от Ан(ны) Руд(ольфовны) Минцловой: зайти вчера не могла, устала, но сегодня обязательно в 2—3 ч(аса) и что тебя она видела при отъезде (знаю из твоего письма). Но не зашла и сегодня, в чем я и был уверен. Почему-то это у всех теософов и антропософов правило: может быть, в делах духовных и не так, но в житейских «неверность» исключительная.

Ждал Котылева, также не пришел. Ждал письма от Чуковского, и тоже нет. Открытка от Вал(ентины) Ал(ександровны) Шалауровой, это верный человек, справка из «Речи» о имени другой — Соломоновской.¹⁰¹ Сейчас же написал в «Речь».

Второй уж раз делаю котлеты: учу Василису¹⁰² — плохо она делает; чтобы котлета вышла сочная, надо, умясив, воды подбавить, и пусть огнем охватит, и не маленький. Так?

Забастовка трамваев. Холерных меньше.

Вечером М. М. Пришвин и А. М. Коноплянцев.¹⁰³ А. М. Коноплянцев женится на дочери елецкого священника, приглашает на свадьбу в Елец. Пришвин рассказывал, что видел и слышал: жил он у матери в имении под Ельцом. Рассказывает он, как пишет, но не так, как его печатают, разбавляя совсем ни к чему объяснением. Наши народные воспитатели приучают к болтовне. Из 10-ти «картинных» слов, по крайней мере, 20 для уяснения. В Рус(ских) Ведом(остях) старается его двоюродный брат Сергей (зачеркнуто: Ив. — Е. О.) Николаевич Игнатов.¹⁰⁴ И часто Пришвин, не узнавая себя, читает как постороннее и возмущается.

Еще рассказывал о Рус(ской) Мысли — Вера Гр(игорьевна) Мирович предложила ему писать рецензии. Можно ли придумать что-нибудь более неподходящее! И о предполагаемом издательстве при «Рус(ской) Мысли». Без тебя не решаюсь послать в Рус(скую) М(ысль) издать книгу. Подумай об этом.

Напоил их чаем. И оба ушли: А. М. Коноплянцев — в баню, Пришвин к себе — на Песочную [Петербургская сторона].

Серый день, и какой ветер! Не весело.

Благословляю тебя.

Меня очень беспокоит, давно хочу спросить, как у тебя с деньгами. Могу всегда, и сколько тебе надо, и живи ты в другом месте, безо всякого давно б послал тебе.

Петербург 1909

2 июня

2-ой ч(ас) н(очи)

Снился мне сегодня глупый сон. Слышу, кто-то выкликает на дворе: «окончившие археологический институт¹⁰⁵ и филологический факультет, любители старины и филологи, приглашаются сопровождать профессора в сад». Я выглянул из окна, да никого нет: все попрятались, никто не хочет выходить. Прошло, я не знаю сколько, и снова повторился призыв и опять никого — никто не отозвался. И я увидел: она появилась во дворе древняя зеленая старуха — птичий нос. Это и был профессор, он один шел осматривать сад. И тут какой-то — и как он очутился — покажи ему зубы! И так пристал, и за лицо меня хватает. «Да что я слон что ли? — говорю, — и с какой стати?» И стараюсь не разжимать губ и уж не могу, вот и зубы у меня выпадут. И это уж не глупо, а мучительно.

Утром Котылев. Обещает известить, какую не приняли и какую приняли сказку в «Панораме»: там их две — «Хмель» и «Проклятой». ¹⁰⁶ «Караван-горюна» взял. Идет в издательство «Освобождение». ¹⁰⁷ Расспрашивал его о знакомых, кто где? Про Ал(ексея) Н(иколаевича) Толстого он не знает, а Петр Петрович Потемкин в Риге, служит контролером в дачных поездках. ¹⁰⁸

За Котылевым Анна Рудольфовна Минцлова. Узнал от нее, что сегодня похороны Анд(рея) Ив(ановича) Сомова, что вчера она была на панихиде. Я ей сказал

о нашей телеграмме¹⁰⁹ — ей-Богу, я не в состоянии был бы идти на похороны, я его знаю только по портрету. Она нашла, что и телеграммы довольно. Говорила, как тебя видела при отъезде и о занятиях на осень, и о своих осенних надеждах. И как всегда, о неосуществимом: будто на лето нам можно проехать с ней в Калужскую губ(ернию) к ее знакомым, и осенью в Крым с ней же в Коктебель (!?), да и сейчас можно устроиться в Лесном — кто-то уезжает — но это надо сейчас же, но она уверена, что мы не согласимся. Да зачем же, если мы не согласимся? Но она продолжает. Она рассказывает о Москве, о «Рус(ской) Мысли» — она чувствует, что со мной не по правде поступили (уменьшив гонорар) <—) и о «Золотом Руне», о статье Городецкого и Вяч. Иванова — только что принесли № 4.¹¹⁰ И что она непременно пойдет к Котылеву по «объявлению» проверить его «хиромантию» — на столе лежали объявления, изобретение Котылева,¹¹¹ потому что одной литературой сыт не будешь. Да, она до тех пор не уедет из Петербурга, пока не повидает тебя: ей надо тебя видеть непременно, она была убеждена, что ты вернулась, она просила известить ее или зайти к ней часов в шесть во время обеда. Она видела в Москве с Андреем Белым и говорила обо мне,¹¹² он хорошо ко мне относится и сделает все.¹¹³ Только он не один в «Мусагете», и отношение Метнера¹¹⁴ она не знает. [В «Мусагете» мне отказали, Андрей Белый написал мне огромное письмо — он против всех, но один ничего не может].¹¹⁵ Спрашивала, есть ли у меня деньги? Что это ты очень просила ее узнать. Я ответил. Что деньги у меня есть. И почему я не был на последнем собрании у Вяч. Иванова? «Да мне надоело, — я сказал откровенно, — гугня и „leere Wörter“^d высокого взлета».

Но что я ей не сказал, уж очень все скоропалительно и вскользь, и очень важное. Я не сказал, что тебе надо «ДЕЛО», это во-первых, и это само собой, а во-вторых, «СЛУЖИТЬ», в библиотеке, если хотите, но что тебе надо *Волю* — простор — поехать, посмотреть. Так?

Я это непременно скажу при первом же случае, это я все помню.

Вечером открытка от Чуковского: он ничего не может сделать, а издатель сейчас не хочет. Зайдет через 10 дней — 12 VI. Хорошо, что Котылев зашел.

В вечерних газетах: 75-летний изнасиловал 3-х детей — не своих, старшей 11-ть лет. Напишу Валентине Александровне Шалауровой, узнает пусть о Неведомском, тут ли он.

Благословляю тебя.

Да, забыл. Еще я сказал Анне Рудольф(овне) Минцловой: от людей я всего ожидаю, это и есть то, те нити, что соединяют меня с другими. Я подхожу к людям со всем своим упованием и верой. Но что отличает меня от других, это мое глубокое отчаяние: я не удивлюсь, а только опечалюсь, если окажется, что вместо ожидаемого, всегда хорошего, меня обманут и на мое сердце ответят плевком. И когда я это ей сказал, договоря до последнего, она ужаснулась.

Петербург 1909

3 июня

12-ый ч(ас) н(очи)

Будто идем с тобой по саду, а навстречу мой учитель по IV гимназии Александр Родионович Артемьев, теперь актер Худ(ожественного) Театра «Артём»? Я с ним поздоровался. А он говорит: «Никакой я (не) Александр Родионович, меня не так зовут, вы меня не знаете!» А я будто хорошо знаю, что не Александр, а Дмитрий так звали его сына, одноклассник с моим братом Сергеем. Но очень я смешался и только глупо, растерянно смотрю ему в глаза. А он вытягивается и тонет, а лицо его меняется, как декорацию меняют. Да

^d пустые слова (нем.)

это вовсе не «Артём», а Н. С. Бутова. И я подумал: «В Петербург приехал Московский Художественный Театр».

Сон — пустой. Как и день пройдет — пустой. Без писем, и никого. И в газетах только о холерных: заболело 22, вчера 15.

Написать ли Вар(варе) Г(ригорьевне) Минович [в ту пору она секретарша в «Рус(ской) Мысли»]¹¹⁶ на «Русскую Мысль» запрос о издании «Караван-горюна». Подумай! Почему не попробовать. В котылевское «Освобождение» [издательство] что-то не верю. И еще о Неведомском: если он в Петербурге, не пройти ли мне в «Мир Божий», с ним можно разговаривать и прямо спросить, возможно ли мне участвовать у них или уж окончательно нет.

Закажи себе вышитую малороссийскую сорочку. Ты свою Бурлючке подарила, помнишь? Или лучше через Бурлючку, пусть она закажет в Чернянке. [В такую вышитую малороссийскую сорочку «Берестовецкую» я нарядил С. П. в ее «последний путь»: в черном сарафане и в белой вышитой сорочке с деревянной иконкой Богородицы — ее мать тайком благословила *тогда* (1903) как ей в Херсон ехать¹¹⁷ — лежит она в гробу].

Ждал от тебя письма.

Все время переписывал. Завтра, Бог даст, кончу «Черную бабушку» [«Оля» I часть «В поле блакитном»]. Будут готовы: I) «Под родным кровом», II) «Смерть», III) «Пасха». Если найдешь, что «Смерть» [«Таинственный зайчик»] можно печатать, можно попробовать в «Ниву».¹¹⁸ И я ее сейчас же перепишу из тетради.

Благословляю тебя.

Вот тебе листок, твоей рукой переписано, попался на глаза. Помнишь, я сочинил для Бубуни-Наташи.

Год: Петербург 1905.

Вот совсем на днях растворяется дверь и входят, представьте себе, пречудесные три таракашки: Усыня, Горыня и Дубыня.

«Кого вам, — говорю, — таракашки надобно?»

А они отвечают:

«Бубуню-Бубунечку¹¹⁹ нам давай, за ней мы пришли».

А я им:

«Опоздали, — говорю, — она теперь на курочек да не цыпляток глазенки тарашит и от радости в ладошки хлопает».

«Ну, так мы с тобой останемся».

Остались. Живут.

«Милые таракашки, вы меня не покинете?»¹²⁰

МОСКВА

В июне, вскоре после приезда С. П. из Берестовца, совершилось: я объявлен был литературным вором. И само собой все двери передо мной закрылись.

Поездка в Берестовец к Наташе. Скажу по правде, даже с Наташей говоря, я не смотрел в глаза. Я только и ждал осуждения.

Из Берестовца я поехал в Москву. Москва меня встретила карикатурами (скандальная реклама) сытая морда, волосатые ручища с ножницами.¹²¹

Объяснение с С. В. Лурье, «Рус(ская) Мысль».

Письмо в «Рус(ские) Ведомости» с примечанием редакции, нравоучительно-уничтожающим все мои с историческими ссылками объяснения.¹²²

Объяснение на Бирже.

Британы¹²³ 1909

20 августа

I

Поезд до Крут отходит в 6 ч(асов) утра, билет до Москвы — 7 р(уб)6(лей). Это поезд через Брянск, без пересадки.

Наши часы, я подвел тогда, на 5 верны. Я приехал $\frac{1}{2}$ 9-го. Поезд на Круты в 9 ч(асов) 35'. Билеты выдают в 9-ть.

До Крут доехал благополучно. Под конец застал маленький дождь. О тебе думаю, как там? Пальто не надевал: тепло.

Багаж мой — 1 пуд 10 фун(тов). Все-таки я его не возьму в вагон, коп(еек) 40 приплачу и сдам.

Буду думать, не тревожся, переживи эту неделю. Во втором моем письме выясню, как с Москвой. Будь здорова, берегись, не расстраивайся, переживи с мыслью, что скоро увидимся.

И ты выезжай из Берестовца в 7 ч(асов) в(ечера), при(е)дешь за час. Дорога очень песчаная. В Крутах ждать до 6 ч(асов) утра.

Есть и другой поезд на Москву — через Курск, но с пересадкой и нет плацкартов.

В 9 ч(асов) утра в субботу приеду в Москву.

Благословляю тебя.

Брянск
21 августа
5—7 в(ечера)

II

В Брянске остановка 2 часа. Съел 4-котлеты, все, что взял, 2 яйца и 2 куска хлеба, а от сладкого пирога остался кусочек, и выпил 3 стакана чаю.

Черниговский поезд [я сел в Британах] опоздал на $\frac{1}{2}$ в Круты. Носильщика я не дождался и сам вынес подушки. Потом отыскал носильщика и уговорился; он придет за вещами в 6 ч(асов) утра. Сел в уголок подумать. Но тут поднялась гроза с ливнем. Обеденная шарлотка и второй стакан обнаружались болью. Я просидел до 5-ти часов. И тут для бодрости выпил стакан чаю — сейчас придет киевский поезд.

Народу навалило полон вокзал. У черниговского губернатора украли из вагона вещи — это всех и занимало. Какой-то пьяный веселый студент ко всем приставал со всяким «политическим» вздором. Из какого-то поезда вышли — я сосчитал — десять, точь-в-точь как Татьяна Ник(олаевна) Гиппиус, и вдруг куда-то все десять скрылись.

В 6-ть часов утра меня устроил носильщик. Народу много. И спать нечего и думать.

Из газет узнал, что в Москву ожидается государь, что холерных в Петербурге 15, вчера 20.

Выхожу только там, где поезд стоит 20 минут. Есть не решаюсь, хоть и не прочь был бы, все на сале и жирно. Потерплю до Москвы.

Идет дождь полосой. Холодно и пасмурно. Лес пожелтел.

22 августа
5 ч(асов) у(тра)

Подъезжаем к Москве. Ночью было холодно. Народу уйма. Дремал. Опять схватило, принял салол с висмутом. И успокоилось. Продрог и перетревожился, пожалуй, все и схватки от этого, и шарлотка не виновата.

Сейчас солнечно и пригревает. Ты поднялась уж и собираешься умываться. Поскорее бы в Петербург, вместе!

Москва
11 ч(асов) у(тра)

Добрался благополучно. Выпил 2 стакана кофе. Варвара Федоровна (Ремизова) пошла на телефон справляться о «Золот(ом) Руне». Проезжая, я заметил, что редакция переехала.

Сергей¹²⁴ купит конфет и пошлет тебе. Сергей расходится с Варварой Федоровной. Буду стараться скорее обделать все дела, чтобы в Петербург. Посылаю письмо Зонова.¹²⁵ Отвечу.

Благословляю тебя. Соображения свои о Москве напишу сегодня.

Москва 1909
22 августа

Варв(ара) Фед(оровна) по телефону не добила «Золотого Руна» и пошла в Малый театр, прошение подать. А я принялся за чистку, но все равно, идти куда-нибудь не в состоянии, очень устал. Через час Вар(вара) Фед(оровна) вернулась. Пошли вместе к телефону, долго вызывали Бутову, и в конце концов пришлось сказать, чтобы она позвонила. НЕ дожидаясь Сергея, так мне хотелось есть, съел две тарелки супу.

Варв(ара) Фед(оровна) рассказала мне свою историю, самое последнее из своей «истории».

Сергей, она это понимает, был на высоте своей любви: все — для нее, но она, у Сергея нежная душа, да разве она когда-нибудь его любила? — Любить до пропады — такого она не чувствовала. А она понимает, что такое «все» для (sic) вот наступил конец: она выходит за-муж — — ее муж инженер, помощник ее отца. Но и это будет только переменой, она этого слова мне не сказала, но я почувствовал. Я ведь ее знаю с детства и замечал ее движения не в глазах, а в улыбке и голосе. И если бы в ту минуту я ей сказал: Бросьте! — она ужаснулась бы. А может быть, никакой перемены и не будет, а пойдет ровная семейная жизнь. С Сергеем уж очень все беспорядочно было, ты видела. Она вернулась в Москву из Ефремово одна, без Ляляшки. Чтобы сказать о своем решении. Сергей ее выслушал кротко. Да иначе как же: *любить* это и значит *принять*.

«А Ляляшка будет с вами?»

«Да, конечно».

«Это, стало быть, — подумал я, — будет двойное: не только ожечь, но и плеснуть ледяной по ожогам».

«Сергей отнесся кротко!» — повторила она.

Мне было очень больно.

Около 5-ти пришел Сергей с Биржи. Перемены я никакой не заметил. Сели обедать. После обеда Сергей пошел в парикмахерскую. А я опять остался с Варв(арой) Фед(оровной).

Она мне рассказывала о своем театральном.

Она никогда не думала сделаться актрисой: у нее прекрасный большой голос и живость; но я никогда не замечал в ней ни способности, ни склонности «переменяться» — играть. Она начала у Мейерхольда с Тифлиса,¹²⁶ помнишь, мои предположения, после Херсона, ехать с театром в Тифлис?¹²⁷ Оказывается, это был ее первый опыт. Она тогда уверена была, что и мы будем в Тифлисе. А с этого и пошло. Она считает, что ее «театр» от меня, хотя, ей-Богу, я ее никогда не толкал на сцену, впрочем, моя «стихия».¹²⁸

«А вы знаете про меня?» — спросил я. Вдруг вспомнив, почему я в Москве.

«И даже, если бы это была правда...»

Я посмотрел на нее в упор, со смакующим отчаяньем дожидаясь окончания фразы. Но она не кончила. И я видел только глаза ее — в них собирались слезы, гася слова.

Сергей вернулся, но другим, и не парикмахерская его меняла, нет, в нем играло пивное благодушие. И если бы его попросить, он мог даже бы пропеть.

Ты знаешь, какой у него баритон — «мужской» голос, и что бросил Филармонию только потому, что думал устроить свою семейную жизнь вернее и проще. И вот все решилось. И я вдруг почувствовал под благодушием раскаленность, да я еще за обедом это почувствовал, только так громко не говорил себе.

Нам втроем оставаться было никак невозможно. И я попросил сводить меня куда-нибудь в сад. Решили в Эрмитаж, самое ближайшее.

Вызывали меня к телефону. Говорил с Бутовой: завтра к ней в 8 < -мь >, обещает узнать новый адрес «Золотого Руна», дала телефон С. В. Лурье. Разговаривал с Лурье: завтра к нему на Хишинскую фабрику,¹²⁹ он все там же, к часу.

Пошли в Эрмитаж. До чего я не люблю летние увеселительные сады, все эти луна-парки, всю эту бедность «общедоступного» развлечения и этих, как-то ни к чему шатающихся подневольных (надо же куда-то пройти, по Достоевскому)¹³⁰ зевак. Впрочем, неисправимо все свои чувства я переносу на других, возможно, что им-то < — > «счастливым!» — и весело.

Просидел первый акт «Ночь под Ивана Купала» — феерия по Гоголю. И ушел. А они остались. Так лучше.

Сейчас без ¼ 10-ть. Я один. Мне холодно. И скучно. Вот мой «беспольный» день.

Варв<ара> Фед<оровна> уезжает в понедельник — 24-го. Переговорю с Сергеем и протелеграфирую тебе: мне кажется, тебе можно будет тут остановиться, если задумаешь через Москву. Варв<ара> Фед<оровна> просит — ей хочется, чтобы «последнее объяснение» состоялось в моем присутствии, я согласился, но и не знаю, как быть, не потому что это тяжело, а «беспольно» — чем я могу помочь, ведь, тут и зацепиться-то не за что, когда все пропало. А может, все так пройдет без моих глаз и без меня.

За чаем Варв<ара> Фед<оровна> рассказывала, как в Ефремове у ее отца читали обо мне: статья в «Русском Слове» — статья, полная «благородного негодования», в заключение автор требует выгнать меня из круга литераторов, «если возможно».¹³¹ Мне понравилось это «если возможно». Непременно достану № «Русского Слова»: всякая брань только подымает. Из круга писателей, печатающихся, меня, конечно, можно выгнать, но заставить меня не писать нет такой власти.

Зонову я ответил. А Вере Степановне Гриневич¹³² не могу. Надо выработать какие-то простые объясняющие слова или без всяко<го> заявить: «Я вор». И искать место в «Надежде» [Страховое общество].

Конфеты придется послать в понедельник: моя вина, забыл сказать, что не тот адрес. А когда вспомнил, было уж поздно. Я две ночи не спал, удастся ли заснуть, а надо: завтра день объяснений.

Потерпи немножко, рассчитываю на С. В. Лурье. Благословляю тебя.

Москва 1909

24 августа

без ¼ 1 ч<аса> н<очи>

Лег, не раздеваясь, и тотчас заснул. Проснулся в час: Сергей с Варв<арой> Фед<оровной> вернулся от Виктора. Пил с ними чай. Стали укладываться: я в средней комнате, Сергей там, где ляляшкина нянька жила, а Варв<ара> Фед<оровна> в спальне. А почему-то мне показалось, что Варв<ара> Фед<оровна> на нянькином месте. А Сергей в спальне. Или я после чаю сразу же задре-

мал и такое расположение было предсоньем, всегда очень ярким и точным: я видел очень ясно и Варв(ару) Фед(оровну) и Сергея. И слышал их разговор — должно быть, это и было глаз-на-глаз последнее объяснение, сначала холодно-ровно, потом резко до крика, сливавшее слова, и снова тише, безразличней и короче. И все затихло. Я проснулся от толчка, мне причудилось, ко мне вошла Варв(ара) Фед(оровна), схватила меня за ноги и поволокла по полу в комнату няньки. «Полежите тут, как бы лежали!» — сказала она, расчипляя (sic!) слова и не договаривая, и скрылась. И лежа на кровати, я увидел очень странное, я видел, как стены раздвинулись и открылась дорога вся в зелени и, не трогаясь с места, я пошел по этой дороге, меня пугали черные пятна по зелени — это были бездонные провалы, и чем дальше я шел, тем их было больше и «не обойду их» казалось мне неизбежным, но чей-то голос, какие-то слова без связи, не повторишь, направляли мои шаги, переноса на кровать.

Измученный, я проснулся от страха, должно быть, черным огнем ударило меня в глаза — я провалился.

Было 8 ч(асов) утра.

Дожидаюсь чаю, написал Вере Степановне Гриневиц: ничего не объясняя о себе, сказал «да» на ее предложение приехать к ней в Кривой Рог и о каталоге детских книг, кончу за лето.¹³³ Прочитал газету. В 11-ть поднялся Сергей и Варв(ара) Фед(оровна). А я стал собираться к С. В. Лурье. Очень волновался.

Ровно в 12-ть я был у Лурье. Сразу же заговорил о «Рус(ской) Мысли». Обещал подсчитать «Недобитого соловья» [Оля, II ч(асть)]. Под «ничего» аванс выдать отказался, но как только пришло рукопись, немедленно. Сбавили гонорар до 100 р(уб)лей ни почему, а нет денег. Потом о «плагиате»: он и не верит, как Лев Исаакович [Шестов], и не может допустить мысли, а «Рус(ская) Мысль» не обращает внимания.

«Мелкая зависть», — сказал он.

«И крупным шрифтом», — подсказал я ему.

Лурье был в Петербурге. Псевдоним в Биржевке ни для кого не тайна, это Александр Алексеевич Измайлов, критик и неудавшийся беллетрист: обычно говорят о критике Измайлове и обходят его как беллетриста — три книги его рассказов под Лескова вызывают, как говорят, улыбку Смоленского кладбища и свою заморскую горечь он изливает в тяжелых семинарских пародиях¹³⁴ — надо же и мертвецу сорвать сердце, но этого мало.

«Он в вас чуёт русское, то самое, чего он так хотел бы и не может, и вы ему бельмо в глазу».¹³⁵

Лурье виделся с Д. А. Левиным [Давид Абрамович Левин, ближайший сотрудник «Речи», друг Л. И. Шестова, вместе учились в Киеве, и мой покровитель — это через него на Рождество и Пасху печатались в «Речи» мои рассказы].¹³⁶

Левин советует написать в «Речь» опровержение. Он научит, как и что написать. Кроме «Речи» он постарается устроить в «Русском Слове».¹³⁷

Я рассказал случай с Пришвиным: его неудачу у И. В. Гессена — опровержение Пришвина, его защиту меня Гессен отказался печатать.¹³⁸ [Для «Небо пало» я пользовался Олонецкой сказкой из сборника Ончукова, запись М. М. Пришвина].¹³⁹

«Пришвина никто не знает, — сказал Лурье, — вот если бы это А. А. Шахматов...»

Лурье прав: одно слово Шахматова заткнуло бы глотку. Я и сам об этом думал, но беспокоить Шахматова мне казалось неудобным, сам я не решился бы.¹⁴⁰

Пришел П. Б. Струве, и нас позвали к столу. [П. Б. Струве был в те годы редактором «Русской Мысли»].¹⁴¹

Разговор о А. В. Дружинине. Помнишь, мы читали в Берестовце «Полиньку Сакс» (1847).¹⁴² Оказывается — Струве старше меня на восемь лет — в его время

это была настольная книга, обязательное чтение, как для нас «Война и мир» и «Преступление и наказание». Струве высоко ценит Дружинина и как критика и как человека. Рассказал о его горячей защите Кетчера,¹⁴³ и я подумал, вот бы к кому обратился сейчас. Самому оправдываться это ужасно! И все эти советы писать опровержения...¹⁴⁴

Вернувшись от Лурье к Сергею, я, прежде всего, написал Левину. Я уверен, ты меня остановила бы. Но ты понимаешь: оправдываться — перед кем оправдываться? Нет, пускай я буду вором среди всех этих честных и благородных воров чужих мыслей, дешевых затасканных приемов, избитых выражений, стершихся беззвучных слов.

У Сергея сидел остервенелый Бурнакин и, как водится, — и кого он только не ругал, и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, ведь он пророчил разложение и гибель русской литературы. И все-таки он был тише, чем у нас.

Я только слушал, собирая со стола крошки. Возражать ему, значит, дразнить, да ведь он чего (2 слова зачеркнуто. — Е. О.): потеряв слова, оскалится и укусит.

Сегодняшний день Сергей считает своим последним днем. После обеда он пел. Аккомпанировала Варв(ара) Фед(оровна). Голос его звучал, как 9-ть лет назад, в год их встречи. Я помню, все на моих глазах: Сергей тогда приехал на Рождество ко мне в Пензу, я их и познакомил: Варв(ара) Фед(оровна) — моя ученица.¹⁴⁵

Слушал я — ведь такое однажды бывает — как сам бы я пел: напряженная в словах музыка хлестала по моему обнаженному сердцу.

Потом Бурнакин читал из своей поэмы «Белый лебедь»¹⁴⁶ — читал он, как и все и всегда, в исступлении. Но я был весь в музыке, и сухие слова отскакивали прутьями. После пения никогда не надо читать: и сама «Украинская ночь»¹⁴⁷ поблекнет. [Какое убожество: мелодекламация. Только деревянные инструменты: альпийский рожок могут «включить» (от «ключ» слово)].

Весь взбудораженный я пошел к Н. С. Бутовой. Я захватил рукопись «Иуду» [Трагедию]: С. В. Лурье обещал показать Станиславскому¹⁴⁸ и просил оставить у Бутовой.

Долго я плутал, отыскивая хорошо мне памятный Лесной переулок: кто-то уж водил мною — состояние от отчаяния.

Бутова меня ждала и беспокоилась, что долго нет. Но о том, что я плутал, я ни слова. Мне хотелось просто сидеть молча. Ее комната келья с уголком театральной уборной. Лампадка перед старинным образом и рядом портрет Станиславского — удивительные губы, как резиновые присоски! — портрет нашего Семена Владимировича Лурье, одного из самых «красивых» людей, кого я встречал. Ты им тоже всегда восхищалась.¹⁴⁹

О Наташе — какая Наташа?¹⁵⁰ Но тут разговору конца нет и не знаешь, с чего начать.

Надежда Сергеевна говорила со мной тихо, как с больным или при больном говорят. Спрашивала о Кузмине — Кузмин после «Крыльев» был в моде.¹⁵¹

«Мне бы хотелось, — сказал я, (—) выйти в поле на заре, ну, куда-нибудь в Косино,¹⁵² стать на колени и всем лицом прикоснуться к земле».

«Что же вам мешает?» — спросила она с болезненной улыбкой, должно быть, привычной по ее ролям.

«Дорога, (—) сказал я, — пойду в Косино, а попаду на Арбат».

И вдруг спохватился: зачем это я ей говорю? — или театральность меня увлекла: стоит дурак на коленях среди поля, а вокруг, по-оперному, слетаются птицы.

Показала она мне венецианскую парчу — два больших куска(,) и старинную душегрейку — я потрогал, на теле она теплее. А на прощанье подарила игрушку: «монах от Троицы», глупый монах, но в глупости своей выразительный.

С. В. Лурье не пришел. «Иуду» [Трагедия] я оставил и объяснил, в чем дело. Только и по ней увидел, да и сам хорошо понимал, что все зря: что в самом деле

Станиславскому эта трагедия (—) апокриф с непривычной реальностью сновидения. А адрес «Золотого Руна» она не узнала, завтра пойду в «Весы» и узнаю.

Дома я застал неубранный стол и Сергея за прощальным письмом матери Варвары Фед(оровны). Вар(вара) Фед(оровна) спала. Завтра она уезжает, придет на некоторое время с Ляляшкой, но только в начале сентября вернется в Москву в театр. Прошлой ночью состоялось объяснение, потому на некоторое время она и приедет Ляляшку, это выговорил себе Сергей. Хорошо, что объяснение произошло только в моем сонном присутствии.

Завтра пошлю тебе телеграмму: если надумаешь, приезжай в Москву. Это письмо придет 27-го. Больше в Берестовец писать не буду, буду записывать «труды и дни» и передам при свидании.

Повторяю: билет в Британах (Московско-Киево-Воронежская ж(елезная) д(орога)) до Москвы — 7 р(уб)лей; поезд из Крут в 6 ч(асов) утра. Если в Крутах носильщиков не окажется, не волнуйся. Ждать 6 часов. Вагон для «некурящих», скажи носильщику. Остановки по 20 минут. В Брянске 2 часа от 5 — 7 вечера. Будет тебе очень холодно, возьми теплый платок. Москва без ¼ 9-ь утра по петербургскому времени. На вокзале я тебя встречу, только не забудь, протелеграфируй.

На столе стоит ваза: груши — груши такие, вот бы тебе! А я не решаюсь.

Благословляю тебя! Очень, очень грустно — с чем-то мы в Петербург вернемся?

Москва 1909

25 августа

С утра убирал комнаты. Сергей, хоть и говорит, что у него пауку негде паутину заплести, а на самом деле, нет угля без паука. Он не курит, а с пола, как подметал, не один совок пыли на кухню снес и черный налет везде: на креслах, на кровати, на столе. Перебрал ноты и книги. Ну, точно рука не касалась, такое запустение, куда не взглянешь. Вещи и самые веселые насупились и захирели.

«Я очень хорошо помню, когда впервые открылось мне о страдании вещей. Мне было три года. В нашей родной деревушке мальчик, играя, упал на стеклянный черепок и умер от раны. Через несколько дней я пошел в дом этого мальчика. Его мать плакала в кухне. На печке стояла бедная игрушка. Я очень хорошо помню: это была оловянная или свинцовая лошадка, запряженная в маленькую белого железа бочку на колесах. Мать мне сказала: „Эта повозка моего несчастного Луи, хочешь я тебе ее дам?“ Тогда поток нежности затопил мое сердце. Я почувствовал, что у этой игрушки больше нет друга и хозяина и что от этого она страдает. Я принял эту лошадку с бочонком» (Из Заяшного романа Франциса Жамма).¹⁵³ Выписываю тебе эти трогательные строчки, ты их и переводила. С такой же печалью глядят на меня покинутые вещи.¹⁵⁴

Опять телефонировал в «Золотое Руно» и опять зря. Пошел на Новинский бульвар. Конечно, переехали. Отыскал новую квартиру. А Н. П. Рябушинского нет. Разговаривал с Тастевеном, убеждал его всеми правдами и неправдами выколотить из этого осла мои 50 руб., объяснив рыжей бороде, что я не его портной. Тастевен обещал понасесть и даст знать по телефону. Но видно, до самого отъезда в Петербург придется мне обивать порог редакции и лаяться. «Иуду» [Трагедию] напечатают в ноябре. Это и будет последний № «Золотого Руна».¹⁵⁵

Вернулся домой в 6-ть. Пообедали. И на вокзал. На вокзале Сергей устроил свадебные проводы со цветами, шампанское пили.

Потом сидел с Сергеем до 3-х часов ночи. Ты знаешь его нежное чувствительное сердце, это не я, забронированный. Сначала он очень мучился, потом заплакал, и слезы успокоили его. Я только одно повторял: надо все принять и ничего не бояться. Может, это грубо так отвечать на слезы? Но других слов у меня нет. Да так я и сам бы себе сказал. И говорю это не для слова, а из души.

Во сне видел Николая Павловича Булича [Оводов из «Оли», III ч(ась)].¹⁵⁶ Он вошел в комнату и с кулаками измученным разбитым голосом к моему лицу: «Если вы только посмеете... — и слова ножом резанули по языку и окончить он (не) мог. И я понял: за тебя заступился(,) был готов ко всему.

25 августа

Написал Зонову прийти сюда. Поплелся к Тастевену. Должно быть, извел его, он выдал мне 30 руб. А про остальные 20 р(у)б(лей), ничего не может сказать: «Золотое Руно» ликвидируется, возможно, что эти мои 20 пропали.

Все-таки у меня «крови» было на 30 руб. и шаг мой не плелся, а вышвыривал. Как-то совсем незаметно я очутился на Ильинке и, не раздумывая, поднялся на Биржу. И тут разыгралось новое представление — будет памятно мне и потомству.

Биржевое собрание еще не кончилось. Старик-служитель, не глядя, остановил меня в дверях: во время собрания никого не велено пускать, пятьдесят лет он служит и во сне (не) забыл бы исполнить приказ. Но, покосясь на меня — из какого-то упорства я не подумал отходить от дверей — он растерялся. Я видел, как лицо его вытянулось, а рука, напряжившая синие жилы, потянулась к дверной ручке — распахнуть дверь. И потом он расскажет, моргая красными глазами — в них было и умиление и восторг — как, взглянув на меня, ему представилось, что это «сам», — такое, значит, было необыкновенное сходство у меня с моим дядей, головой московской Биржи и его сыном,¹⁵⁷ и все 50 лет службы за один миг промелькнули перед ним, и он не посмел не отворить дверь.

«Пожалуйста», — бормотал он, теребя ручку. К его счастью собрание кончилось. И я вошел в гудевший зал. А так как я был первый вошедший из посторонних, меня заметили и узнали, с добродушным восклицанием: одни просто называя меня «Алексей», другие с дружеским прищуром «плаггиатор».

Тут были и старики, которые знали меня с детства, и мои сверстники — товарищи по Коммерческому училищу.¹⁵⁸

Моя сылка была встречена всеобщим порицанием. Мое имя на годы было как вычеркнуто. Родственники от меня отказались. Имя мое не произносилось. А если из молодых кто помянет, оборвут. Но мой «Пруд» с Москвой¹⁵⁹ — поднятый газетной бранью, мое имя со скандальной повязью «декадент» обратили внимание, и стали поговаривать. Одним нравилось, другим не нравилось, но у всякого оставалось: «толк выйдет». И прошлое мое обернулось, как сказали бы деды, «не грех, токмо падение», а кто-нибудь еще прибавил, конечно, по-своему, что звучит по старине: «не согрешишь, не покаешься, не покаешься, не спасешься».

И теперь, когда в газетах (—) «Раннее Утро» и «Русское Слово»¹⁶⁰ читает вся Биржа (—) меня объявили вором, которого нельзя терпеть среди литераторов, вышло всеобщее негодование.

Старик Грибов сказал: «Из семьи Найденовых и Ремизовых воры не выходят, ошибаетесь!»

И вот почему мое появление на Бирже встречено было с необыкновенным радушием. Всем хотелось выразить мне свое чувство и подтронуть: «плаггиатор!», покрывая замоскворецкой руганью обнаглевших газетчиков. Но, как и почему все совершилось, что дало повод такому позорному обвинению? Это занимало каждого. Биржевое собрание не расходилось.

Я хотел обратиться по старинке: «Отцы и братья», но встретившись глазами с Грибовым, сказал, слыша себя, как постороннего, свое из глубокого молчания исходившее слово (sic!).

«Александр Иванович, верите ли вы мне?»

Грибов, нахмураясь, беззвучно шевелил седыми губами.

«Ве — рим!» — прокричал Корзинкин, когда-то сидели в училище на одной скамейке. — Верим, — повторил он, ударяя на «ве» задорно и твердо.

«Я, ⟨—⟩ и я остановился передохнуть, очень меня взволновало, — я — не вор».

И в ответ мне — среди наступившего молчания, которое мне показалось длится бесконечно, я вдруг услышал и я вдруг увидел: старик Грибов с добрыми глазами на меня, твердо стукнул об пол палкой и пошел.

Биржевое собрание закрылось.

Шумно и как-то празднично покидая Биржу, расходившиеся взбудоражили Ильинку. И сквозь дребезжанье пролеток и шмыг резиновых шин на Спасской башне играли часы полдень.¹⁶¹ [Помню, когда я рассказал эту сцену на Бирже Вяч. Иванову, он пришел в восхищение. Ему напомнило случай с Микель-Анжелло.¹⁶² Да, такое бывает не часто, а уж как мне памятно].

Вечером в тот же день я был с Сергеем у Виктора на Таганке. Этот день выдался какой-то особенный: я видел счастливого человека. Это была Адель, сестра Иды.¹⁶³ Со свадьбы Сергея она с ним больше не встречалась, а сегодня пришла, узнав, что мы будем.

Она была старше Иды всего на год, но никакого сходства с сестрой. Когда смотришь на Иду, словно глотаешь спелую вишню, а ее хочется сравнить с каким-то полевым цветком. У нее был один недостаток: хромоножка, но стройная и гибкая, как стебель. А в глазах ее томновала тихая покорная грусть.

Еще в детстве, когда мы приходили к ее отцу, я заметил, как, стесняясь, она подходила к Сергею и как слушала, когда он пел.

Как-то вечером я остался один у них в саду, все ушли. Стараясь не ковылять, робко подошла ко мне Адель с маленьким свертком — не знаю уж, что там было.

«Сергею?» ⟨—⟩ поспешил я, и взяв из ее рук этот сверток: «Адель, вы его очень любите?»

Она ничего не сказала, но какая синь любви разлилась в ее глазах.

Так всегда и считалось: Адель — Сергея.

И вот встреча после стольких лет, но эта синь с разлившейся любовью, как будто никаких лет не прошло, а все было вчера, в их саду.

«Как это странно все, ⟨—⟩ подумал я, — дикая своенравная судьба! — женись Сергей на Адель, и все было бы по-другому: ведь только тот, кого любят, может поднять человека. А теперь еще не поздно? Но переводя глаза с Адель на Сергея, сказал себе: „пропущены все сроки“».

27 августа

Виделся с С. В. Лурье. Мое Биржевое объяснение ему известно. Смеется: «Заступилась Биржа?» Но, он согласен с Давидом Абрамовичем (Левиным) и это мнение очень многих, расположенных ко мне, опровержение необходимо. В «Русское Слово» он не может, но «Русские Ведомости» согласились.

Хожу, не знаю, за что ухватиться. Если бы еще дома, а у Сергея какие же книги. Пошел бы к Гершензону, да его нет: он все еще у нас — на взморье.

Вечером у Николая.¹⁶⁴ Торжественный обед с шампанским отголосок вчерашней Биржи.

«Послушай, — сказал Николай, — это ты все нарочно?»

Я понял, о чем это он.

«Нисколько», — сказал я.

«А мы вчера так и решили. Только вот что: со своей скандальной рекламой когда-нибудь попадешься. А ловко ты это придумал».

Но я, кажется, разочаровал его, упомянув о опровержении.

«Брось, — сказал он на прощанье, — на всякое чиханье не наздравствуешься, — опровержение всегда сопровождается примечанием, не забывай. Теперь ты ходишь гордо, а там тебе навесят ярлык».

«Но я согласился».

«Как знаешь, не прошибись. А ловко ж ты это подстроил!» — повторил он вдогонку.

28 августа

Третья ночь в 4 ч(аса) утра. Исписал бумаги на 3 аршина, если собрать, уложить на столе (—) под потолок, вышло всего 3 страницы. «Как пишутся сказки» с учеными ссылками на А. Н. Веселовского, Н. С. Тихомирова и А. А. Шахматова. О сказках из сновидческой природы человека — редчайший дар рассказывать еще не бывшее и небывалое, и о сказках, когда сказочник подхватывает голос из веков, распространяя и углубляя содержание бывшего и бывалого. Примеры из Даля (Козака Луганского), Пушкина, Одоевского, Погорельского до Лескова и Л. Н. Толстого. А воздав честь и хвалу трудящимся и трудившимся, поминаю и о себе, труждающемся от литературного невежества и человеческого дубоножия.¹⁶⁵

Несу на цензуру С. В. Лурье.

[В «Русских Ведомостях» появилось мое процензурованное С. В. Лурье опровержение. И Николай оказался прав: под моим напечатали редакционное примечание. Сергей (sic!) Никол(аевич) Игнатов¹⁶⁶ выговаривал мне, не одобряя моей неосторожности: если я пользуюсь народной сказкой, я всегда и непременно должен отметить «народная», в том случае, когда сам выдумываю, могу ничего не подписывать].¹⁶⁷

ПЕТЕРБУРГ 1909

После встряски затишье. Но я захворал. Чтение в Аполлоне «Неуемного бубна» — первый мой выход на люди.¹⁶⁸

А. А. Измайлов больше не показывается в театре после выразительной сцены: в антракте к нему подошел Котылев, за которым стеной поднялись его оголтелые подручные мелкие репортеры по скандальным и пожарным происшествиям. «За Ремизова, — сказал Котылев и поднял кулак, — мерзавец!» — и, оборотясь к свите: «Плюнул бы в рожу, да слюней жалко, кладбищенская падаль!» [А. А. Измайлов жил на Смоленском кладбище в доме своего брата — дьякона].

Петербург 1909

31 октября

Не письмо пишу тебе, а писульку — тайную: я тебя очень люблю. Ты от света вся в свете (я вижу, как ты молишься и как ты радуешься), а я глубоко корнями в земле, я из земли и мне никогда не достать до твоего света.¹⁶⁹

Никого не было и никто тебе не кланяется. А спрашивать про тебя спрашивали. Представь себе: заец (sic!).

[К моему игрушечному зверинцу¹⁷⁰ С. П. была равнодушна. Она любила живое: дышащее — собак, лошадей, птиц, а одухотворенные вещи ее не трогали — не говорили, не разговаривали, как со мной].

Петербург 1909

2 ноября

Писульку тебе пишу китайскими буквами.¹⁷¹ Помнишь, как ты заплакала, как представила всю нашу беду — мою беду. Я никогда не забуду. И эти слезы — в моих глазах до последнего. [В Москве доктор Ревитцев¹⁷² после выкачивания желудочного сока — (большей муки я не испытывал) — нашел кровь (потом найдет следы крови) и определил: «язва желудка», потом поправился «царапины» и про-

писал мне овсянку и черничный кисель до следующей осени. И когда я сказал С. П., ее перепугало, она поняла, что болезнь эта смертельная, а в овсянку и чернику она не поверила].

Петербург 1909

26 ноября

Писульку тебе пишу. Не сердись. Давай жить дружно. Не трону я ни одной строчки, о тебе написанной. И не «отоптал» я тебя, и в мыслях не было. С «Таинственным зайчиком» [«Оля» I ч(ась)] пролилось в мир от твоего света, кто слышит, тот услышит.

У меня душа зауныла, вот в чем дело. Загоревала о чем-то, замучилась. На один глаз сплю, все о чем-то думаю, а о чем думаю, и сам не знаю. А потом, мне-то хочется сделать и другое, и третье, и сил, верно, нет — ни сил, ни уменья. Это мое внутреннее, а со вне — тянет, погоняет мысль, как денег достать, как вообще-то устроиться. Я тебя лелеять хочу, чтобы ты веселая была, а то все, как ночь, а глаза в тоске.

Петербург 1909

27 ноября

Что делать, вторую писульку тебе пишу в ожидании киселя [черничный кисель — диета]. Сейчас 7^ч, а вернулся я в ½ 7-го. И опять надо идти: оказывается чествование [Ев(гения) В(асильевича) Аничкова] не в 6-ть, а в 8.¹⁷³

У Александра Леонидовича Мендельсона [Доктор-психиатр] я ждал немного: 20' 6-го он меня отпустил. И тут начинается моя растерянность: вещи пропадают, дороги уходят.

Сел я на трамвай и доехал до Невского, а на Невском пересел на другой. И успокоился. И, конечно, не в тот попал. Очнулся я у Гороховой. Выскочил и пошел обратно. Встретил пожарных. Эта встреча меня ошеломляет: какой-то страх, что меня раздавят («погасят») и огонь — кольцо огня перед глазами. С трудом отыскал «Малый Ярославец». ¹⁷⁴ Там мне и сказали, что Мерин-гольд [Всеволод Эмильевич Мейерхольд, он устраивал чествование Аничкова] ¹⁷⁵ назначил в 8 ч(асов). Иду.

[На чествовании были Вс. Э. Мейерхольд, А. А. Блок, Гарольд Вас. Вильямс, П. Е. Щеголев. Аничков получил звание: «друг скоморохов». Сам он весь вечер и говорил].¹⁷⁶

Петербург 1909

Уходя [на предполагавшееся в 6 ч(асов) чествование Аничкова в «Малом Ярославце»] пишу тебе писульку. Будь здорова и не волнуйся, «скандалить» не стану. [С. П. всегда боялась, что на людях я чего-нибудь выкину, — а знала она по опыту и имела основание беспокоиться].

А я ничего не написал за день, начал думать, как тот с ума сошел и, неверующий, вдруг поверовал, и перескочил к «петушку из яйца индейского» [писал рассказ «Петушок»].¹⁷⁷

Мышка мне во сне снилась. Старались ее убить и так и сяк, а она все не умирает. Какая такая это мышка?

Петербург 1909

30 ноября

Купил лампочек, а тебе мандаринов. Напишу-ка я тебе писульку, а то сколько уж дней ты от меня ни строки не получаешь. И как я заметил, на это-то ты, пожалуй, все и сердисься.

Было у меня сегодня две встречи.

Как ехал домой, у Гороховой слезла какая-то дама. А когда еще в вагоне она поднялась и ждала остановку, она стояла впереди меня, мне бросилось в глаза ее платье. Представь себе летний бледно-зеленый сак, а под ним такой пестрый пла-ток, как я ношу, надет на плечи, чтобы не так холодно.

Я шел за ней. В трауре она: юбка черная и креп на шляпе. Идет неровно, должно быть, ногу натерла или бессонные ночи. Она не так, чтобы очень молодая, не разберешь, очень лицо измученное, без кровинки. Идет прихрамывает.

А что так легко одета, прохожие, те, у кого шуба, по преимуществу, женщины, внимания не обращают, смотрят так и не хорошо смотрят. И я чувствую, что она это чувствует и ей нехорошо ее сжимает под этим черным глазом. На Гороховой вошла она в дом. Я посмотрел вывеску у дверей: «Доктор медицины».

Видно, подумал, кто-то в семье помер: муж ли, брат ли или еще кто, с кем жили под одним кровом, шубу-то заложила, а себя .... Морозу. И что доктор поправит?

Я перешел на другую, на «свою» сторону.

А навстречу народ и как-то особенно, шаг не деловой и не праздный. Всматриваюсь. А уж и всматриваться нечего: быстро идут и два городских по бокам. А в середине какая-то ее «ведут» — прислуга, должно быть, вроде Василисы, и так всхлипывает — всхлипнет да руки как-то кверху, точно схватиться за что-то хочет или проснуться хочет, не во сне ли, не снится ли?

А рядом народ, так и бегут:

«Поворучь!» — говорит какой-то отвратительно благообразный.

И все чему-то рады. Ой, Господи, почему все так рады, когда вот так идет человек и всхлипывает и руками цепляется.

Да, если бы это был сон! За сон человек не отвечает.

«Поворучь!» — повторил голос, пробуждая.

Прошла это несчастная с городовыми и народ прошел: свидетели, зрители и пострадавшие. Я повернул в Казачий переулочек и мне вспомнилось, как я возвращался с Аничкова торжества ночью по Невскому домой.

Около Елисеева¹⁷⁸ метались по тротуару — их было пятеро и одна в голубой бархатной шубке с голубым пером, воздушная в молочном свете электрических фонарей, бросилась ко мне, чтобы я провел сквозь стену городских.

«Миленький голубчик — хваталась она за меня, — проводи меня, вроде, как я ваш товарищ».

А я даже остановился. Как мало! и на это не хватило, ну, чтобы провести. А впрочем... [Впрочем... мой спутник Г. В. Вильямс взял двух. Но что меня остановило, это вовсе не черствость сердца, не «с какой стати?» закругленного в себе человека, для которого первое и единственное «лишь бы меня не трогали», а моя застенчивость. А застенчивость моя от моего сознания или чувства своей ничтожности. Я не «товарищ» <—> сейчас же представил себя об руку с этим голубым призраком и мне стало неловко, я себя застыл и мои руки одеревенели.

И когда меня покидает чувство, что я другого собой стесняю, что ему неловко со мной, если хотите, стыдно. Только когда я один, я иду, как с закрытыми глазами, все равно, как-нибудь пройду незаметно. Но иногда от моей стеснительности, даже, если я и один, нога повертывается, особенно когда кто-то идет мне навстречу.

Я объясняю себе исключительно сознанием, вышедшем из не покидающего меня чувства своей ничтожности].

Петербург 1909

12 декабря

Я пойду, я пройду немного дальше, чтобы погулять — чтобы боль утихла. Это оттого, что давно не гулял или закурился. Скажу, придешь из Археологического Института.¹⁷⁹ А если что-нибудь тебя задержит, я пойду домой один.

Писулька вышла грустная: очень больно.

¹ Белые палатки на территории соседней с домом писателя Обуховской больницы были выстроены в связи с эпидемией холеры. Ср. также описание аналогичного пейзажа из окна «Буркова дома» (Малый Казачий пер., 9) в повести Ремизова «Крестовые сестры» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава. С. 111).

² Исследования, которые Илья Ильич Мечников (1845—1916) проводил в парижском институте Пастера в 1892—1894 годах, показали, что холерный вибрион получает свои патогенные свойства в воде. Именно поэтому простейшим способом защиты от болезни ученый назвал кипячение воды и ошпаривание продуктов питания. Интервью с Мечниковым, постоянно жившим в Париже, печатались в газетах Петербурга и Москвы летом 1909 года. Ср. также письмо Волошина Ремизову, относящееся к летней эпидемии 1908 года: «Холера издали очень пугает. Боюсь, что все в Петербурге вдруг умрут. (...) Пожалуйста, кипятите все как следует. Вот Мечников в „Matin“ пишет, что холера самая незаразительная из всех болезней и что насморк гораздо опаснее. Только все кипятить и ошпаривать нужно» (Волошин М. Собр. соч. М., 2010. Т. 9: Письма 1903—1912. С. 370).

³ Р. А. Шалаурова. См. о ней: На вечерней заре 1907. С. 166.

⁴ А. И. Котылев. См. о нем: На вечерней заре 1909 (I). С. 187 (прим. 17).

⁵ К. И. Чуковский. См. о нем: На вечерней заре 1909 (I). С. 194 (прим. 101).

⁶ Подробнее об издателе М. Г. Стракуне см. главу «Моя библиография» в книге «Петербургский буерак» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 215).

⁷ Лопухин Алексей Александрович (1864—1928) — судебный и административный деятель; главный свидетель в деле разоблачения Азефа. По завершении судебного процесса, возбужденного по факту государственной измены, 1 мая 1909 года Лопухин был приговорен к пяти годам каторги с лишением прав состояния. Поданная апелляция о смягчении приговора была удовлетворена с заменой каторги на ссылку в Минусинск. См. об этом: Энгер К. Дело А. А. Лопухина. Приговор изменен: вместо каторги — ссылка на поселение // Биржевые ведомости. 1909. 24 мая. № 11121. С. 2; [Б. п.] Дело А. А. Лопухина в Сенате // Речь. 1909. 24 мая. № 139. С. 4.

⁸ Очевидно, подразумевается Кармазина (Арцыховская/Арциховская) Евгения Гавриловна (1875—1948) — сокурница С. П. Ремизовой-Довгелло; в 1893—1897 годах училась на историко-филологическом отделении Высших женских курсов, а затем в 1902 году окончила еще и Женский медицинский институт (по специальности психиатрия); литератор, автор фельетонов и брошюр по психиатрии и гигиене; печаталась под фамилией Арциховская. См. о ней также: Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878—1918 гг.). СПб., 2008. С. 79. Публикатор выражает благодарность хранителю книжного собрания библиотеки Высших женских (Бестужевских) курсов А. В. Вострикову за предоставление ценной информации.

⁹ С. В. Лурье. См.: На вечерней заре 1907. С. 172 (прим. 61).

¹⁰ Оригинал письма, датированный 23 мая 1909 года, см.: РНБ. Ф. 631. № 142. Л. 5.

¹¹ Рассказ «Стан половецкой» впервые был опубликован в № 1 журнала «Русская мысль» за 1910 год (Отд. 1. С. 115—149) с посвящением С. П. Ремизова-Довгелло, воспоминания которой о своем детстве и юности легли в основу этого произведения. Впоследствии оно вошло в состав книг Ремизова «В поле блакитном» (1922), «Оля» (1927), «В розовом блеске» (1952).

¹² Речь идет о статье псковского корреспондента газеты «Биржевые ведомости» с описанием криминального дела, в центре которого оказались члены петербургской боевой организации партии социалистов-революционеров, прибывшие в село Кресты Псковской губернии для исполнения смертного приговора над своими уличенными в предательстве товарищами (см.: *Калитин* (sic!). Эпизод из «Бесов» [«Незаконные» — Путешествие в с. Кресты за паспортами. — Драма в лесу. — В чем дело? — «Федор Иванович». — Что случилось с исполнителями кровавого приговора? // Биржевые ведомости. 1909. 25 мая. № 11122 (веч. вып.)). Интерес Ремизовых к газетной хронике, связанной с подпольной деятельностью эсеров, был обусловлен причастностью к этой партии в недавнем прошлом С. П. Ремизовой-Довгелло. После окончания Высших женских курсов, будучи слушательницей Медицинского института, она вошла в группу петербургских социалистов-революционеров и после раскрытия революционной деятельности всей организации в 1898 году была сослана на 3 года в Вологодскую губернию. Здесь состоялась встреча Ремизовых с Е. К. Брешковской, когда «бабушка русской революции», находясь на нелегальном положении, дважды (в 1902 и в 1903 годах) приезжала в Вологду для встреч с ссылными членами партии и выработки совместной программы организационных действий по созданию террористического звена. Лидером будущей боевой организации стал Б. В. Савинков, который, как и Брешковская, пытался склонить С. П. Довгелло на путь террора. Однако решение молодой женщины, не без влияния ее жениха А. М. Ремизова, также на тот момент политического ссыльного и члена вологодского подпольного кружка, образовавшегося вокруг Савинкова, — стал полный отказ от революционной деятельности. Ср. воспоминания писателя, дополнявшие его письма к жене за 1903 год: «(...) на С. П. смотрели, как на Софью Перовскую: она и вправду не дрогнула б с бомбой в руке. И вот она объявила, что прекращает революционную деятельность. И это решение ее приписано было моему разлагающему влиянию. В Вологду приезжала Бабушка [Брешковская] уговаривать, и у меня было с ней свидание и разговор» (На

вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // *Europa orientalis*. 1985. Vol. IV. С. 156). См. также материалы по следственному делу С. П. Довгелло в статье: *Соболев А. Л.* Северная ссылка Ремизова: уточнение нюансов // *Соболев А. Л.* Страннолюбский перебарщивает. Скончался истор. М., 2013. С. 176—212 (Летейская б-ка: очерки и материалы по рус. лит. XX века. Т. II). Описанная в романе Достоевского «Бесы» идеология террористов-революционеров, соединявшая экстремизм и измененные формы религиозности, граничащие с богоборчеством, стала предметом изучения и для З. Н. Гиппиус, подружившейся с женой Ремизова в 1905 году. Об отражениях их бесед об эсерах в концепции нового религиозного сознания, формированием которого Гиппиус вплотную занималась в годы между двумя русскими революциями, см.: *Обатнина Е.* Подруги: один эпизод из истории отношений З. Н. Гиппиус и С. П. Ремизовой-Довгелло // *От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX—XXI веков: Сб. в честь профессора Халины Вашкелевич* / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków, 2014. С. 251—262.

¹³ Речь идет о неполученном гонораре. См. об этом: На вечерней заре 1909 (I). С. 190 (прим. 39).

¹⁴ Памятник Александру III. См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 193 (прим. 73).

¹⁵ Нелидов Анатолий Павлович (1881—1949) — характерный и комедийный актер, знаковый Ремизовых по работе в антрепризе «Товарищество новой драмы» Вс. Э. Мейерхольда (Херсон, сезон 1903/1904); в период с 1905 по 1909 год состоял в труппе театра В. Ф. Коммиссаржевской. Один из участников актерского состава в постановке пьесы Ремизова «Бесовское действо над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сиясть прение Живота со Смертью» (1907). Ср.: «На сцену выходил тучный „Живот“, подобие „Аники-воина“ или „Бовы-Королевича“, в пышных и неправдоподобных золотых латах и шлеме, с кривым мечом, в красной епанче. Играл его богатырь Нелидов, оглашая театр зычным, раскатистым голосом» (*Добужинский М. В.* Воспоминания / Вступ. статья и прим. Г. И. Чугунова. М., 1987. С. 231).

¹⁶ Скрытая отсылка к эпиграмме А. Рославлева. См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 194 (прим. 94).

¹⁷ Речь идет о секретаре редакции газеты «Речь».

¹⁸ И. В. Гессен. См. о нем: На вечерней заре 1909 (I). С. 192 (прим. 54).

¹⁹ Подразумевается публикация сказок «Упырь» и «Лютые звери». См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 188 (прим. 25).

²⁰ Н. С. Бутова. См.: На вечерней заре 1907. С. 173 (прим. 73).

²¹ В. Д. Милиоти. См.: На вечерней заре 1907. С. 168 (прим. 20).

²² Н. П. Рябушинский. См.: На вечерней заре 1907. С. 168—169 (прим. 23).

²³ П. Е. Кулаков. См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 192 (прим. 58).

²⁴ Неведомский М. (наст. имя и фам. Михаил Петрович Миклашевский; 1866—1943) — экономист, критик, публицист; с 1903 года в журнале «Мир Божий» вел рубрику «О современном искусстве».

²⁵ Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин; 1878—1942) — писатель, журналист, эссеист; автор ряда рецензий на эмигрантские издания произведений Ремизова. Параллель с Неведомским возникла уже в контексте эмигрантской жизни (ср. Приложение).

²⁶ Юнгер Александр Александрович (1883—1948) — художник-график, карикатурист.

²⁷ А. С. Рославлев. См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 190 (прим. 42) и 194 (прим. 94).

²⁸ Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881—1925) — писатель, сатирик, редактор журнала «Сатирикон».

²⁹ Речь идет о галерее шаржей швейцарского художника Поля Робера на известных представителях политики и культуры, изданной в виде альбома под названием «Весь Петербург в карикатурах» (СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вальберг, 1903).

³⁰ Колтоновская Елена Александровна (урожд. Сасько; 1870—1952) — писательница, литературный критик; в 1911—1912 годах опубликовала отзывы на произведения Ремизова во «Всеобщем журнале» (1911. № 2. Янв. Стлб. 7—11), в сборнике своих статей «Критические этюды» (СПб., 1912. С. 32—36), а также в «Новом журнале для всех» (1912. № 12. С. 95—104).

³¹ В. М. Ремизов. См.: На вечерней заре 1907. С. 167 (прим. 14).

³² Сегаль Соломон Леонтьевич — предприниматель, многолетние дружеские отношения с которым для Ремизова начались в 1901—1903 годах, когда писатель, отбывая политическую ссылку в Вологде (1901—1903), состоял на службе в качестве бухгалтера в часовом магазине Сегалья. С 1909 года Сегаль держал магазин в Петербурге (Аптекарский склад, Невский, 79). Упоминания об этом см. в письме Ремизова А. А. Измайлову от 5/18 февраля 1912 года (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 85). После Октябрьской революции Сегаль эмигрировал в Финляндию. Его письма 1921—1931 годов отложились в американском архиве Ремизова (Amherst College Center for Russian Culture).

³³ Подразумевается Бурлюк Людмила Давидовна (в замужестве Кузнецова; 1886—1968) — художница, сестра трех братьев Бурлюков: поэта и художника-футуриста Давида Давидовича, художника Владимира Давидовича, поэта и художника Николая Давидовича; была членом художественного объединения «Венок», с 1908 года принимала участие во всех выстав-

ках, организованных Д. Бурлюком; в 1907 вышла замуж за петербургского скульптора Василия Васильевича Кузнецова (1881—1923). Дружба С. П. Ремизовой с Л. Н. Бурлюком началась в Херсоне, когда с ноября 1903 по февраль 1904 года молодые супруги Ремизовы снимали комнаты в доме Бурлюков. См.: *Бурлюк Д.* Воспоминания отца русского футуризма / Публ. Е. Чижова (О. Л. Лейкинд) и Д. Ксенина (Д. Я. Северюхина) // *Минувшее. Исторический альманах*. М., 1991. Вып. 5. С. 22. В составе альбома А. М. Ремизова «Корова верхом на лошади. Цветник II» (1921), имеется портрет Л. Д. Бурлюк-Кузнецовой, выполненный С. П. Ремизовой-Довгелло (см.: РНБ. Ф. 634. № 18. Л. 19—20). Выдержки из дневников С. П. Ремизовой-Довгелло, посвященные Л. Д. Бурлюк, см.: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1990. Vol. IX. С. 493—494. Подробнее об обстоятельствах жизни семьи Л. Д. Бурлюк и В. В. Кузнецова см.: *Карпова Е. В.* Петербургский скульптор В. В. Кузнецов. Материалы к творческой биографии // *Невский архив*. СПб., 2006. Вып. 7. С. 547—567.

³⁴ Речь идет о работе В. В. Кузнецова над барельефами «Азия» и «Африка» для фасада Азовско-Донского коммерческого банка, строительство которого по проекту архитектора Федора Ивановича Лидваля (1870—1945) на Большой Морской (д. 3—5) длилось с 1907 по 1913 год.

³⁵ Подразумевается имение графа Н. С. Мордвинова в селе Чернянка Херсонской губернии, где жили родители Л. Д. Бурлюк. Подробнее об этом см.: *На вечерней заре 1908*. С. 149—150.

³⁶ См.: *На вечерней заре 1909 (I)*. С. 188 (прим. 26).

³⁷ См.: *На вечерней заре 1909 (I)*. С. 186 (прим. 8).

³⁸ С. Ю. Копельман. См.: *На вечерней заре 1909 (I)*. С. 193 (прим. 78).

³⁹ «Русское богатство» — один из ведущих либеральных ежемесячных журналов (1876—1918), с 1904 года редакцию возглавлял В. Г. Короленко. См. также: *Данюк А. Н.* К вопросу об истории журнала «Русское богатство» (1876—1918) // *Молодой ученый*. 2013. № 7. С. 477—480.

⁴⁰ Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — литературный критик, литературовед, переводчик, журналист; член редакционного комитета журнала «Русское богатство» с 1904 года, помощник В. Г. Короленко по отделу беллетристики и критики.

⁴¹ «Вестник Европы» (1866—1918) — «толстый» журнал умеренно либерального направления, созданный М. М. Стасюлевичем. Подробнее о нем см.: *Никитина М. А.* «Вестник Европы» // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904*. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 4—43.

⁴² Речь идет об эпизоде 1906 года, когда Ремизов предпринял попытку опубликовать рассказ «Слоненок», опираясь на поддержку К. И. Чуковского, который в то время исполнял обязанности секретаря литературного отдела журнала «Вестник Европы» Е. А. Ляцкого. Подробнее об этом см.: Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вступ. статья, подг. текста и комм. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // *Русская литература*. 2007. № 3. С. 143.

⁴³ Р. А. Шалаурова.

⁴⁴ Минцлова Анна Рудольфовна (1866—1910?) — теософ, деятель розенкрейцерского движения; духовный собеседник писателей символистского круга; переводчица. Подробнее о ней см. монографическое исследование Н. А. Богомолова «Anna-Rudolph» (*Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 23—112).

⁴⁵ Подразумевается издание сборника произведений Ремизова под первоначальным названием «Караван-горюн».

⁴⁶ Речь идет о рассказе «Таинственный зайчик» (первоначальное название «Смерть»). О безуспешных попытках опубликовать это произведение в журнале «Нива» см.: Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского. С. 155.

⁴⁷ Первоначальные названия новелл, составивших впоследствии повесть «В поле блаkitном» (Берлин, 1922). Исключение в этом списке представляют рассказы «Черная бабушка» и «Пасха», впоследствии под аналогичными названиями включенные в повесть «Оля» (1927).

⁴⁸ Мандель Александр Семенович — директор-распорядитель петербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд», выпускавшего журнал «Театр и искусство». В 1909 году в рамках этого журнала был запущен проект альманаха «Колосья», который завершился с выходом первой книги. Основной состав альманаха был представлен художественными и литературно-критическими произведениями Е. Чирикова, А. Толстого, А. Рославлева, И. Кожевникова, О. Дымова, К. Чуковского, А. Измайлова.

⁴⁹ Потемкин Петр Петрович (1886—1926) — автор поэтического сборника «Смешная любовь» (СПб., 1908), постоянный участник дружеской компании, собиравшейся вокруг М. А. Кузмина и А. М. Ремизова; был одним из героев ремизовской мистификации, связанной с историей создания эротической сказки «Что есть табак. Гоносиева повесть» (1908). Подробнее об этом см.: *Ремизов А. 1*) О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак / Предисловие Г. Чижова-Холмского. Paris, 1983; 2) Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 207—211; 3) Кукха. Розановы письма / Сост., подг. текста, статья, комм. Е. Р. Обатиной. СПб., 2011. С. 504 (сер. «Литературные памятники»).

⁵⁰ Отзвук одной из ремизовских мистификаций, связанных с «турецким поэтом Фуадом Намыкой», который читал стихи сходного звучания. Подробнее о нем см.: На вечерней заре 1909 (I). С. 186 (прим. 11). См. варианты строк этого абсурдистского текста («Айдá йильдá бир барым...»), впервые воспроизведенного в письме Ремизова Вл. Пясту (РГАЛИ. Ф. 405. Оп. 1. № 16. Л. 2), в новелле «Восточный» (Ремизов А. Петербургский буерак. Париж: LEV, 1981. С. 200).

⁵¹ Н. А. Ремизова. См.: На вечерней заре 1908. С. 170 (прим. 16).

⁵² С. М. Ремизов. См.: На вечерней заре 1907. С. 167 (прим. 7).

⁵³ О какой публикации идет речь, установить не удалось.

⁵⁴ Здесь, в дополнении к тексту письма-оригинала (ср. Приложение), внесенном в 1945—1948 годах, Ремизов подразумевает два пережитых им пожара. Первый случай относится к осени—зиме 1904 года, когда молодая семья Ремизовых поселилась в Киеве. В это время писатель работал над романом «Часы». Сохранился инскрипт 1923 года на издании романа, в котором он, обращаясь к жене, воскрешает обстоятельства киевского периода их жизни. Ср.: «О происхождении Часов: это самое большое, о чем со стыдом вспоминаю: это в Киеве — когда ты кормила Наташу и на уроки ходила, а я писал. (...) помню комнату, почему-то помню всегда, однооконная, узкая и тут же кровать складная походная, и дверь, где ты с Наташей. Пожар помню. Я взял рукопись эту „Часы“, икону и Наташу. (...) Это память начальная — пробования моего в люди» (цит. по: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16—17). Второй пожар произошел в квартире Ремизовых на Таврической ул. в Петербурге 9 марта 1911 года. Ремизов в подробностях рассказал об этом происшествии в письме от 15/16 марта 1911 года к находившейся в отъезде жене (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Тетрадь к кн. 10, 11, 12, письмо № 208).

⁵⁵ Александра Никитична Довгелло.

⁵⁶ Сохранившиеся письма Т. Н. Гиппиус, адресованные старшей сестре З. Н. Гиппиус, подтверждают, что художница писала портреты В. В. Розанова, А. М. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло (Amherst College Center for Russian Culture). Все эти живописные работы считаются утраченными. См. справку о творческом наследии Т. Н. Гиппиус в публикации М. М. Павловой: *Белавская А. П. Воспоминания о Т. Н. и Н. Н. Гиппиус* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 708.

⁵⁷ О сестрах Гиппиус см.: На вечерней заре 1909 (I). С. 191 (прим. 45). Речь идет об экзаменах, которые Н. Н. Гиппиус держала по окончании очередного курса в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств. Она училась здесь с 1903 по 1913 год на скульптурном отделении. Т. Н. Гиппиус обучалась в ВХУ с 1901 по 1910 год на живописном отделении.

⁵⁸ Подразумевается рецензия А. А. Измайлова: *Аякс* [Измайлов А. А.]. Не люблю не слушай, а врать не мешай // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1909. 29 мая. № 11130. С. 3.

⁵⁹ Позднее дополнение к тексту оригинального письма 1909 года (ср. Приложение).

⁶⁰ Н. А. Ремизова.

⁶¹ Авторский комментарий подразумевает предчувствие приближения драматической коллизии, связанной с обвинением Ремизова в плагиате. См.: *Миров Мих.* Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1909. 16 июня. № 11160. С. 5—6. Подробнее об этом см.: На вечерней заре 1909 (I). С. 154—159.

⁶² Манучаров Иван Львович (1861—1909) — революционер, член партии «Народная воля»; узник Шлиссельбургской крепости, после суда в 1885 году был приговорен к смертной казни с заменой десятью годами каторги; в 1896 году выслан на Сахалин; 29 мая скоропостижно скончался в Благовещенске от паралича сердца.

⁶³ Новорусский Михаил Васильевич (1865—1925) — публицист, мемуарист, литератор; член партии «Народная воля», узник Шлиссельбургской крепости, посвятивший серию очерков казненным товарищам по партии и собственному тюремному опыту. В частности, в 1909 году в журнале «Мир» публиковались фрагменты его дневников об одиночном заточении «Дневник 1893 г.». На смерть М. В. Манучарова Новорусский откликнулся некрологом (см.: Речь. 1909. 30 мая. № 145. С. 2).

⁶⁴ Устойчивое написание фамилии В. Ф. Ходасевича в 1940-х годах (ср. Приложение). О Ходасевиче см. также: На вечерней заре 1908. С. 174 (прим. 65).

⁶⁵ Речь идет о письме В. Ф. Ходасевича от 28 мая 1909 года, в котором поэт отзывался на переданное через Ремизова предложение организаторов нового сборника «Остров» (см. об этом: На вечерней заре 1909 (I). С. 189 (прим. 33)) прислать свои стихотворения для публикации. В этом же письме Ходасевич уточнял, что стихи направит на адрес писателя, потому что «ни с Потемкиным, ни с Гумилевым не знаком» (РНБ. Ф. 634. № 231. Л. 3). См. также выдержки из переписки Ремизова и Ходасевича в связи с журналом «Остров»: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 324.

⁶⁶ Силистрия — историческое название портового города Силистра, расположенного на северо-восточном побережье Болгарии.

⁶⁷ Летом 1909 года Лундберг путешествовал по югу России, по Болгарии и Сербии.

⁶⁸ В вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» от 29 мая 1909 года (№ 11130. С. 3) была опубликована небольшая заметка, составленная на основании телеграмм из сейсмоопасных районов России и Европы. В частности, там сообщалось о незначительных колебаниях почвы, зафиксированных в Мессине, а не в Марселе.

⁶⁹ В журнале «Огонек» были помещены четыре фотографии В. К. Буллы, сделанные на открытии памятника «Царю-Миротворцу» в Петербурге на Знаменской площади 23 мая 1909 года (Огонек. 1909. № 22 (30 мая). С. [8—9]).

⁷⁰ В. А. Шалаурова.

⁷¹ Р. А. Шалаурова.

⁷² Имеется в виду сборник произведений писателя, изданный в конце 1909 года под названием «Рассказы» (СПб.: Прогресс; на титуле — 1910 год). См. также: На вечерней заре 1909 (I). С. 192 (прим. 57).

⁷³ Аберрация памяти: повесть «Неуемный бубен» была написана в декабре 1909 года.

⁷⁴ Речь идет о гонораре из журнала «Золотое руно». См. прим. 13 в наст. публ.

⁷⁵ Позднейшее дополнение к тексту оригинала (ср. Приложение). Подразумевается специфический способ заработка, который практиковали А. И. Котылев и А. С. Рославлев, занимавшиеся организацией публикаций литераторов в различных печатных органах и в издательствах.

⁷⁶ См. прим. 11 в наст. публ. Новую повесть Ремизова «Недобитый соловей» журнал «Золотое руно» анонсировал еще в первом номере за 1909 год. В ожидании рукописи секретарь редакции Г. Э. Тастевен писал Ремизову 7 февраля 1909 года: «Очень рад, что мы скоро получим начало Вашей повести» (РНБ. Ф. 634. №. 214. Л. 12). Однако работа над ней шла трудно и потому даже частичная публикация в первой половине 1909 года была явно невозможна, поскольку только 4 апреля Ремизов сообщал М. А. Кузмину: «Я кончил вчера I часть Недобитого Соловья. Сейчас сижу букву к букве пригоняю, но, как следует, думаю отделать, как все кончу» (РНБ. Ф. 124. № 3617. Л. 19). Впервые «Недобитый соловей» был опубликован только в составе книги «Оля» (1927; ее первая часть называлась «В поле блакитном» (1922)).

⁷⁷ Речь идет о первой части повести Александра Ивановича Куприна (1870—1938) «Яма», опубликованной в третьей книге сборника «Земля» за 1909 год.

⁷⁸ Фрагмент значительно переработан по сравнению с письмом-оригиналом (см. Приложение).

⁷⁹ Мотив моста как перехода из объективного мира в мир «потусторонний», зафиксированный в записи сновидения, впоследствии был использован писателем в качестве ключевой метафоры взаимообращаемости сна и реальности. Ср., в частности, вступительный очерк «Карнизы» в повести «По карнизам» (1929). «Я — „перешел мост“ и попал совсем на другую землю!» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2015. [Т. 11]: Зга. С. 475).

⁸⁰ Легкобытов Павел Михайлович (1863—1937) — в 1900-е годы духовный лидер секты хлыстов «Новый Израиль». Многочисленные упоминания о нем см.: *Пришвин М. М.* Ранний дневник 1905—1913 / Подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2007 (по именному указателю).

⁸¹ См.: Животная книга духоборов / Записал и собрал В. Бонч-Бруевич. СПб., 1909 (Материалы по истории и изучению русского сектантства и раскола под ред. В. Бонч-Бруевича. Т. XL. Вып. 2).

⁸² Кухарка Ремизовых.

⁸³ См.: *Коноплянцев А. М.* Жизнь К. Н. Леонтьева, в связи с развитием его мировоззрения. СПб.: [Сириус, 1911].

⁸⁴ Имеется в виду статья петербургского корреспондента московской газеты «Раннее утро», публиковавшегося под псевдонимом Скиталец (псевд. О. Я. Бальтерманца), который, освещая разного рода негативные явления в современной литературе, в частности, писал: «Кто совестится быть просто самозванцем, может недурно устроиться по плагиаторской части. (...) Теперь блеснул на этом поприще Алексей Ремизов». Ряд оскорбительных эскапад в адрес писателя завершился вердиктом: «Необходимо произвести строжайшую чистку в журналистских и литературских кругах. Необходимо за борт выбросить всех этих господ — самозванцев (...) плагиаторов...» (*Скиталец* [О. Я. Бальтерманц]. Около печати (С берегов Невы) // Раннее утро. 1909. 19 июня. № 139. С. 2).

⁸⁵ Статья К. Чуковского «Апостолы трусости» была посвящена повести Сергеева-Ценского «Печаль полей», опубликованной в девятой книге Альманаха издательства «Шиповник» (СПб., 1909). Характеризуя творчество Сергеева-Ценского как апологию страха перед жизнью, критик назвал также имена Л. Андреева и Ремизова — писателей, которые, по его мнению, придерживаются пассивного отношения к реальности и противопоставляют известной формуле Горького («Человек — это звучит гордо») нравственную и моральную ущербность своих персонажей. Ср.: «„Не строй“, „не делай“, не „вмешивайся“, „стреляй, если хочешь в небо“, „смирись“, „затаись“, ибо: — Человек — это разве не страшно? — говорит нам Сергеев-Ценский. — Человек — это разве не гнусно? — подхватывает Ремизов. — Человек — это разве не смешно? — прибавляет Леонид Андреев» (Речь. 1909. 31 мая. № 146. С. 2).

⁸⁶ Сомов Андрей Иванович (1830—1909) — старший хранитель Императорского Эрмитажа с 1887 года; искусствовед, коллекционер; скончался 30 мая 1909 года в результате несчастного случая.

87 Р. В. Иванов-Разумник. См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 187 (прим. 18). Открытка не сохранилась.

88 Предположительно, речь идет о стихотворном посвящении Вяч. Иванову, известном под названием «Зверинец». Однако упомянутое в оригинальном письме (см. Приложение) стихотворение Хлебникова, которое было прочитано, по всей вероятности, на «Башне» Вяч. Иванова, хронологически не совпадает с датировкой стихотворения «Зверинец» 10 июня 1909 года, принятой в научной литературе на основании письма Хлебникова Иванову от этого же числа и года. Ср.: «3 июня 1909 года Вяч. Иванов посвящает молодому поэту стихотворение „Подстерегателью“. Через несколько дней (10 июня) Хлебников отвечает на это послание стихотворением в прозе „Зверинец“ и посвящает его Вяч. Иванову» (*Парнас А. Е. Хлебников в дневнике М. А. Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 года. Л., 1990. С. 159*). В этом письме молодой поэт подробно изложил историю написания стихотворения, которое он посвятил своему кумиру. Текст письма см.: *Хлебников В. Неизданные произведения / Поэмы и стихи — ред. и комм. Н. Харджиева. Проза — ред. и комм. Грица. М., 1940. С. 356*. Между тем сохранившаяся авторская датировка лишена конкретизаций: «лего 1909» (см.: *Поэзия русского футуризма / Вступ. статья В. Н. Альфонсова; сост. и подг. текста В. Н. Альфонсова и С. Р. Красицкого. СПб., 1999. С. 74*). Нам остается только предположить, что если в письме Ремизова от 31 мая речь шла о «Зверинце», то в реальности письмо Хлебникова Вяч. Иванову от 10 июня было написано не в день создания этого стихотворного посвящения, а по следам его первого прочтения на «Башне», состоявшегося в последнюю декаду мая. См. также воспоминания о первом визите поэта-авангардиста на Таврическую, в квартиру Вяч. Иванова: *Гюнтер И. фон. Жизнь на восточном ветру: Между Петербургом и Мюнхеном / Пер. с нем. Ю. И. Архипова. М., 2010. С. 208—209*.

89 Эпизод из жизни ссыльных поселенцев в Вологде (1900—1903). Подробнее о вологодских годах в биографии писателя см.: *Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 474—505*.

90 Автограф Хлебникова среди писем Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло не обнаружен.

91 Журнал «Тропинка». См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 186 (прим. 9).

92 См. недатированное письмо Шестова, касающееся литературных дел Ремизова в апреле—мае 1909 года: *Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 187—188*.

93 Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — историк церкви, в 1900—1905 годах профессор Духовной академии, ближайший друг сестер Гиппиус; один из представителей «ядра» церкви Третьего Завета, образованной Мережковскими, в которую была привлечена также С. П. Ремизова-Довгелло. Подробнее о Карташове, а также библиографию источников о «церкви» Мережковских см.: *Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из дневников Т. Н. Гиппиус 1906—1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов / Сост. М. М. Павлова. М., 2004. С. 395*.

94 Иоанн Воин (Воинственник; IV в.) — воин в армии Юлиана Отступника, спасавший христиан от гонений. В русской православной традиции один из почитаемых святых — защитник заточенных в тюрьму. День памяти — 30 июля (12 августа).

95 Повет — административно-территориальная единица в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой.

96 Возможно, старинные названия территории.

97 Е. С. Соколова-Ремизова. См.: На вечерней заре 1907. С. 173 (прим. 66).

98 С. М. Ремизов.

99 Супруга М. В. Добужинского Елизавета Осиповна Добужинская (1874—1965).

100 Имеется в виду первая из серии путевых заметок Е. Г. Лундберга, публиковавшихся в газете «Речь» под общим названием «Из скитаний»: *Лундберг Е. «1. Легенды» // Речь. 1909. 1 июня. № 147. С. 2*. См. также другие публикации в «Речи» в 1909 году: *Лундберг Е. 1) «2. Одесса. 3. По Дунаю. 4. От Галаца до Силистрии. 5. Русские в Болгарии» (21 июня. № 167. С. 2); 2) «6. От Оджи-Кью до Руцука. 7. Menschen und Seidenschofthen» (16 июля. № 192. С. 2); 3) «Руцук. Болгарская школа — и немецкая школа. Зной» (2 августа. № 269. С. 2; очерк датирован: «13 июля. Горный Студень»).*

101 Сотрудница редакции газеты «Речь».

102 Прислуга Ремизовых.

103 Коноплянец Александр Михайлович (1875 — не ранее 1930) — педагог и публицист, автор биографии К. Н. Леонтьева, вместе с М. М. Пришвиным учился в Елецкой мужской гимназии, где в то время (1887—1891) учителем географии и истории служил В. В. Розанов. Одна из глав романа Пришвина «За волшебным колобком. Из записок о крайнем севере России и Норвегии» (СПб., 1908) имела форму писем, обращенных к Коноплянцу (с. 74—100).

104 Игнатов Илья Николаевич (1856—1921) — литературный и театральный критик, с 1907 года редактор московской газеты «Русские ведомости»; двоюродный брат М. М. Пришвина.

¹⁰⁵ Отзвук биографии С. П. Ремизовой-Довгелло. См. прим 179 в наст. публ.

¹⁰⁶ Сказки «Хмель» и «Проклятой» были созданы на основе фольклорных записей из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.)» (СПб., 1908; № 161 и 96 соответственно). Оба текста были отклонены журналом «Всемирная панорама» и увидели свет в других повременных изданиях. См.: Ремизов А. 1) Хмель: Народная сказка // Журнал-копейка. 1909. № 20. С. 2. Впоследствии в сборнике «Докука и балагурье» (СПб., 1914) название сказки было изменено на «Лев-зверь». Сказка «Проклятой» в пересказе Ремизова при первой публикации получила название «Желанная» и с примечаниями автора появилась на страницах «Нового журнала для всех» (1909. № 14. С. 61—64).

¹⁰⁷ Издательство «Освобождение», выпускавшее книги модернистов (Ф. Сологуба, К. Бальмонта, Л. Андреева и др.), располагалось на Невском проспекте.

¹⁰⁸ Ср. написанное в марте 1909 года письмо П. Потемкина М. Кузмину с упоминанием о вынужденном пребывании в Риге из-за болезни матери (Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. С. 323).

¹⁰⁹ Телеграмма К. А. Сомову с соболезнованиями по случаю кончины его отца. См. Приложение.

¹¹⁰ Речь идет о двух статьях, помещенных в «Литературном отделе» «Золотого руна» (1909. № 4): *Иванов Вяч.* Древний ужас: По поводу картины Л. Вагста «Terror Antiquus» (Публичная лекция) (с. 51—65); *Городецкий С.* Ближайшая задача русской литературы (с. 66—81).

¹¹¹ Очевидно, печатное объявление, не сохранившееся среди писем-оригиналов. См. также текст оригинального письма в Приложении.

¹¹² Описание встречи Андрея Белого с Минцловой весной 1909 года см.: *Белый Андрей.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 591—593. Визиты Минцловой к Ремизовым, очевидно, были продиктованы намерением создать узкий круг посвященных, который должен был представлять собой свободную организацию «людей, образующих Грааль, *чашу*» (Там же. С. 592). Духовная программа Минцловой, известная в пересказе Андрея Белого, была направлена на возрождение розенкрейцерства: «...новое рыцарство — возникает; в России сосуд — должен быть: коллектив sui generis ложка; и нужно, чтобы в Москве и Петербурге нашли два лица, группирующие тех, кто себя свяжут братски, чтобы стать под знамена — духовного света (...)» (Там же). Очевидно, Серафима Павловна Ремизова-Довгелло как натура, соединившая в себе искреннюю, почти детскую религиозность и демократические идеалы деятельной общественной пользы, по представлениям Минцловой, была личностью наиболее способной к эзотерическому практикуму.

¹¹³ В письме-оригинале (см. Приложение) подразумевались доброжелательные отношения, завязавшиеся между писателями с 1905 года. См.: Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 486—487. Данное дополнение связано с историей отклонения повести «Неумный бубен» московским издательством «Мусaget», которую Ремизов, редактируя письма в 1945—1948 годах, ошибочно связывал с осенью 1909 года. См. об этом прим. 114 в наст. публ.

¹¹⁴ Метнер Эмилий Карлович (псевд. Вольфинг; 1872—1936) — музыкальный критик, философ, руководитель московского издательства «Мусaget», реальные основания для учреждения которого возникли только в августе 1909 года. Подробнее об этом см.: *Безродный М.* Издательство «Мусaget» // Книжное дело в России XIX — начала XX в.: Сб. науч. трудов. СПб., 2004. Вып. 12. С. 40—56.

¹¹⁵ Позднейшее дополнение к тексту письма-оригинала (см. Приложение). Речь идет о ситуации 1910 года, когда повесть Ремизова «Неумный бубен» была отклонена издательством «Мусaget». Андрей Белый как член редакционной коллегии «Мусagета» старался помочь писателю, но после провала своей инициативы сообщил ему в письме, относящемся к третьей декаде марта 1910 года: «...если бы Вы услышали от меня кое-что, Вы бы поняли, что большинство „Мусagetцев“ в этом неповинны, что у нас весьма сложные отношения 1) к редактору, 2) к некоторым членам Редакции из философов, 3) к Издателю в смысле принятой, как обязательство, программы (...) мы не могли изменить ничего с Вашей книгой (в частности, Эллис, я, Петровский, Кожебаткин (наш секретарь) (...)) (...) с большим прискорбием пишу Вам: с прискорбием, потому что мне так хотелось бы, чтобы Ваша книга вышла у нас: а между тем, несмотря на то, что я ее все время отстаивал, большинство лиц, причастных Редакции (Метнер, Рачинский, Петровский, Шпетт и др.), указывали на то, что издание Вашей книги не входит в план издательства; и вот почему: задача издательства — 1) переводные книги по эстетике, 2) теоретические книги оригинальные (...) Далее указывали на то, что „Неумный бубен“ уже напечатан в альманахе „Журнала для всех“...» (Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка. С. 486—487).

¹¹⁶ См. также: На вечерней заре 1909 (I). С. 189 (прим. 37).

¹¹⁷ Речь идет о материнском благословении брака С. П. Довгелло с А. М. Ремизовым. Венчание молодоженов состоялось 27 июля 1903 года в Херсоне. В личном архиве С. П. Ремизовой-Довгелло сохранился официальный документ о заключении брака (ГЛМ. Ф. 156). См. так-

же комментарий с цитированием дневниковых записей С. П. Ремизовой-Довгелло в публ.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подг. текста и комм. А. д'Амелия // *Europa Orientalis*. 1985. Vol. IV. С. 187.

¹¹⁸ Ср. прим. 43 в наст. публ.

¹¹⁹ Домашнее имя Наташи Ремизовой.

¹²⁰ Позднейшее дополнение, очевидно, сделанное по дневниковым тетрадям С. П. Ремизовой-Довгелло, относящимся к 1905 году. Ср. также реакцию З. Н. Гиппиус на присланный ей в письмо жены Ремизова аналогичный сюжет (Lampf H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // *Wiener slawistischer Almanach*. 1978. Bd 1. S. 164). См. также вариацию на тему «непрощенных гостей» в новелле «Таракашки», опубликованной в сборнике Ремизова «Рассказы» (СПб., 1910. С. 198).

¹²¹ Речь идет о шарже анонимного художника под названием «Новейшее бюро», помещенном в московском еженедельном художественно-литературном и юмористическом журнале «Оса». На рисунке изображен Ремизов с пером в правой и огромными ножницами в левой руке, сидящий за письменным столом с вывеской «Бюро для переписки сказок А. Ремизова. Цены умеренные» (Оса. 1909. № 9 (1 авг.). С. [7]).

¹²² Подразумеваются обстоятельства публикации ответа Ремизова на обвинение в плагиате, прозвучавшее в статье Мих. Мирова «Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию)» (Биржевые ведомости. 1909. 16 июня (веч. вып.). № 11160. С. 5—6). Ремизовское «Письмо в редакцию» (с датировкой: «Москва, 29 августа»), напечатанное в московской газете «Русские ведомости», сопровождалось следующим редакционным примечанием: «От редакции. Давая место письму г. Ремизова, мы не можем не отметить, что на нем самом лежит доля ответственности за происшедший инцидент. В такой литературной работе, где творчество заключается во внесении только некоторых оттенков в почти целиком сохраненный текст народной сказки, необходима сугубая осторожность, необходимо, чтобы даже по случайным причинам сказки не появлялись в печати без соответственных пояснений. Это, как видно из письма, признает и сам автор, сопровождающий обыкновенно свои работы над материалом народного творчества необходимыми примечаниями» (Русские ведомости. 1909. 6 сент. № 205. С. 5). Ср. также реплику редакции «Золотого руна», опубликовавшего «Письмо в редакцию» Ремизова вслед за «Русскими ведомостями»: «К сожалению, „Русские Ведомости“ после этого слишком скромного письма позволили себе в примечании „от редакции“ читать нотацию А. Ремизову о необходимости всегда делать примечания. Так, вместе с газетными стервятниками, охочими до скандала и клеветы, на писателя, сохранившего древний тип смиренника в работе и в обиде, нападают еще почтенные буквоеды» (Золотое руно. 1909. № 7—8—9. С. 148).

¹²³ Село Британы Борзенского уезда Черниговской губернии.

¹²⁴ С. М. Ремизов.

¹²⁵ А. П. Зонов. См.: На вечерней заре 1908. С. 171 (прим. 13).

¹²⁶ См.: На вечерней заре 1907. С. 167 (прим. 9).

¹²⁷ Речь идет о службе Ремизова и его жены в качестве переводчиков пьес западноевропейских модернистов в антрепризе Вс. Э. Мейерхольда «Товарищество новой драмы» в сезон 1903/1904 года. Ремизов также занимался составлением репертуарного плана и состоял в должности помощника режиссера. Следующий сезон (1904/1905) театральная труппа провела в Николаеве, Пензе и Тифлисе (зимний сезон), однако супруги Ремизовы в этих гастролях уже не участвовали. Подробнее об этом см.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 2. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903—1904) / Публ. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 155—160; А. М. Ремизов и «Товарищество новой драмы»: Из переписки А. М. Ремизова с В. Я. Брюсовым, О. Манделунгом, Вяч. И. Ивановым, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Г. И. Чулковым, А. П. Зоновым, М. А. Михайловым. 1903—1906 / Подг. фрагм. писем Н. Панфиловой и Е. Обатниной; сост. и комм. Н. Панфиловой и О. Фельдмана // Театр. 1994. № 2. С. 104—117.

¹²⁸ Ср. первые впечатления Вс. Э. Мейерхольда от знакомства с Ремизовым в 1896 году, свидетельствующие о глубоком изучении будущим писателем театральной эстетики: «Его энергия, его идеи одухотворяют меня (...) Какой запас знаний дал он нам. Целую зиму мы провели в интересных чтениях, давших нам столько хороших минут. А взгляды на общество, а смысл жизни, существования, а любовь к тем, которые так искусно выведены дорогим моему сердцу Гауптманом в его гениальном произведении „Ткачи“. Да, он переродил меня» (Волков Н. Мейерхольд. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 109—110). Оформившиеся в период сотрудничества с Мейерхольдом воззрения Ремизова на театральное искусство запечатлелись в его статье «Товарищество Новой Драмы: Письмо из Херсона» (Весы. 1904. № 4. С. 36—39).

¹²⁹ Подразумевается домашний адрес С. В. Лурье, проживавшего на ул. Садовой — Земляной Вал, очевидно, при торговом доме фабриканта и купца Осипа Геннадьевича Хишина.

¹³⁰ Возможно, отсылка к очерку Достоевского «Маленькие картинки» из «Дневника писателя» 1873 года, где тот касался темы летнего досуга петербуржцев, в частности, городских садов (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 108—110).

¹³¹ Ошибка в названии источника: статья соответствующего содержания была опубликована в газете «Раннее утро». См. прим. 84 в наст. публ.

¹³² Гриневиц Вера Степановна (урожд. Романовская; умерла не позднее 1939) — племянница Е. П. Блаватской, родственница Е. А. Герцык (матери А. К. и Е. К. Герцык); библиограф, занималась вопросами педагогики; входила в дружеский круг видных философов и литераторов начала XX века, эмигрировала в 1922 году. Публикатор выражает благодарность Р. П. Хрулевой, сообщившей ряд сведений о Гриневиц по картотеке В. П. Купченко.

¹³³ Хронологический сдвиг с контаминацией двух событий, относящихся к более раннему времени, который возник в поздней редакции писем (ср. Приложение). В реальности Ремизовы по приглашению Гриневиц отдавали в ее имени Ольховый Рог с 9 июля по начало августа (см. ремизовский итинерарий «Адреса и маршруты поездок»: РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 12). Поэтому содержание письма Гриневиц касалось не предстоящей поездки в Ольховый Рог, а, очевидно, других дел. Сюжет же с заработком по составлению каталога детских книг по заказу Гриневиц относился к концу 1906 года. Ср. также записку Ремизова к жене от 19 декабря 1906 года, к строкам которой приписан позднейший комментарий в квадратных скобках: «Сейчас 5, скоро итти к „Барыне” [чье это прозвище, не могу вспомнить. Думаю, что это В(ера) С(тепановна) Гриневиц, для которой я буду составлять каталог детских книг]». (Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1990. Vol. IX. С. 474).

¹³⁴ Подразумевается книга А. А. Измайлова «Кривое зеркало» (1908), содержанием которой стали пародии и шаржи на К. Бальмонта, З. Гиппиус, Вяч. Иванова, С. Городецкого, А. Блока, М. Кузмина, А. Белого и других модернистов. Здесь также имеется в виду известный факт биографии Измайлова, закончившего курс петербургской Духовной академии в 1897 году.

¹³⁵ Весь пассаж, касающийся Измайлова, является позднейшим дополнением к тексту письма-оригинала (см. Приложение). Имя Измайлова как автора статьи «Писатель или списыватель?» (см. прим. 61 в наст. публ.) впервые прозвучало в письме М. М. Пришвина, адресованном Ремизову спустя 4 дня после появления злополучного обвинения. Пытаясь опубликовать опровержение в столичной газете «Речь», Пришвин столкнулся с осторожностью руководителей редакции, но попутно узнал версию настоящего имени обвинителя: «В Речи отказали. „Мы, — говорят, — в эту полемику не хотим ввязываться, напечатайте в „Виржевых Вед(омостях)”». Писал Измайлов» (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатиной // *Русская литература*. 1995. № 3. С. 157—209).

¹³⁶ Левин Давид Абрамович (1863—1930) — юрист, журналист, публицист.

¹³⁷ «Речь» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета; орган партии конституционных демократов, издавалась в Петербурге в 1906—1917 годах. Издатели: В. Д. Набоков; И. И. Петрункевич, Н. К. Милоков, Ю. Б. Бак. «Русское слово» — ежедневная газета буржуазно-либерального направления, издавалась в Москве в 1895—1917 годах. Издатели: А. А. Александров, И. Д. Сыгин, В. М. Дорошевич.

¹³⁸ Имя И. В. Гессена, отказавшего Пришвину в публикации его «Письма...» в защиту Ремизова, возникает только в тексте рукописи «На вечерней заре» и в главе «Разоблачение» романа «Петербургский буерак» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 186).

¹³⁹ Ошибка памяти Ремизова: сказка «Небо пало» действительно представляла собой литературную переработку записи фольклорной сказки из собрания Н. Е. Ончукова, опубликованного в тридцати третьем томе «Записок Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии»: *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908. В экспедиции в Архангельскую и Олонедскую губернии принимали участие как сам ученый-этнограф Ончуков, сделавший запись «Небо пало» (№ 216), так и М. М. Пришвин, записавший текст другой народной сказки — «Мышенюк» (sic!) (запись № 190). Ремизовское переложение «Мышенюка» также было расценено Мих. Мировым как плагиат. См. об этом в статье Пришвина «Плагиатор ли А. Ремизов? (Письмо в редакцию)» (впервые: Слово. 1909. 21 июня. № 833. С. 5), а также в Приложении к публ.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 204—205.

¹⁴⁰ Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — крупный ученый-медиевист, академик. Подробнее об истории взаимоотношений Ремизова с Шахматовым, приветствовавшим опыт и художественный инструментарий, с которым писатель подошел к литературной обработке апокрифов в книге «Лимонарь» (1907), см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2009. С. 72—73.

¹⁴¹ Петр Бернгардович Струве (1870—1944) возглавлял редакцию журнала «Русская мысль» с января 1907 по 1918 год в России, а также в эмиграции — в возобновленном под тем же названием журнале (1921—1923, 1927). Примечательно, что в реальности Струве счел литературные скандалы 1909 года, связанные с обвинениями в плагиате Ремизова и Ф. Сологуба (см. об этом: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 206—207), достояточным поводом для острой редакционной политики журнала. Ср. его письмо В. Я. Брюсову, вступившему в должность редактора беллетристического отдела «Русской мысли» в 1910 году: «...должен сказать, что признавая и важность сотрудничества Сологуба и Ремизова, я все-таки относительно этих двух писателей считаю необходимой особую осторожность и осмотрительность для редакции „Русской Мысли”, ибо они сами, на мой

взгляд, не достаточно осторожно „печатаются” (ИРЛИ. Ф. 444. № 59. Л. 31 об.; письмо от 7 сентября 1910 года). См. также мнение редакции газеты «Русские ведомости» (прим. 122 в наст. публ.).

142 Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — писатель, критик, переводчик; дебютировал в журнале «Современник», опубликовал в 1847 году повесть «Полинька Сакс».

143 Кетчер Николай Христофорович (1809—1886) — врач по специальности, первый переводчик на русский язык всех сочинений Шекспира, положивший в основу своей работы задачу сохранения аутентичности шекспировского языка, что во многом негативно повлияло на художественную ценность поэтических произведений, переведенных прозой. Иную методику в переводах Шекспира избрал А. В. Дружинин, который, стремясь преодолеть противоречие между поэтичностью и точностью перевода, избрал главенствующим принцип «поэтического перевода», основанный на метафорической образности. Таким образом, переводчик создавал адаптированное к русскому языку «звучание» текста, соответствующее произведению на языке оригинала. Подробнее об этом см.: Левин Ю. Д. А. В. Дружинин — переводчик Шекспира // Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 144—161. Очевидно, что методика Кетчера, с точки зрения сохранения дословности перевода, могла получить высокую оценку Дружинина. Однако источник, описывающий случай «защиты Дружинина», нами не выявлен.

144 Позднее дополнение к тексту оригинального письма (см. Приложение).

145 См.: На вечерней заре 1907. С. 167 (прим. 9).

146 Возможно, абберация памяти, связанная со сборником «Белый камень» (СПб., 1908), в котором печатались стихотворения А. Бурнакина.

147 Очевидно, речь идет об отрывке из поэмы Пушкина «Полтава» (1828) — «Тиха украинская ночь...».

148 Станиславский Константин Сергеевич (1863—1938) — с 1898 года вместе с В. И. Немировичем-Данченко руководил Московским Художественным театром. Личное знакомство писателя со Станиславским, возможно, относится к 1909 году, когда он пытался предложить свою пьесу «Трагедия о Иуде, принце искаротском» в МХТ. Об этом, в частности, свидетельствует датированное 28 ноября 1912 года письмо к Ремизову, в котором режиссер выражает добросердечное намерение повидаться (РНБ. Ф. 634. № 209).

149 Позднейшее дополнение (см. Приложение).

150 Н. А. Ремизова.

151 Повесть М. Кузмина «Крылья» (впервые: Весы. 1906. Ноябрь. № 11. С. 1—81).

152 Подмосковная деревня Косино.

153 Фрагмент представляет собой перевод с французского, выполненный С. П. Ремизовой-Довгелло по тексту «Заяшного романа» Ф. Жамма (Francis Jammes, «Le roman du lièvre», 1903). Автограф рукой С. П. Ремизовой-Довгелло сохранился в парижском архиве писателя (ныне: ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2).

154 Речь идет об обстановке кабинета писателя, наполненного игрушками и артефактами, после смерти С. П. Ремизовой-Довгелло.

155 См.: На вечерней заре 1909 (I). С. 186 (прим. 7).

156 Герой повести «Оля» (1927).

157 Найденов Александр Николаевич (1866—1920) — банкир, потомственный почетный гражданин; в 1905 году после смерти Н. А. Найденова унаследовал не только имущество отца, но и его общественные должности, возглавив Биржевой комитет, став гласным Городской думы, а также попечителем и почетным председателем многочисленных комитетов.

158 Московское Александровское коммерческое училище — престижное учебное заведение, созданное по инициативе дяди Ремизова Н. А. Найденова в 1880 году для подготовки детей из купеческих, мещанских, ремесленных и крестьянских семей к торговой деятельности. А. М. Ремизов по завершении полного курса обучения (1888—1895) получил аттестат и звание личного почетного гражданина. Вопреки воле дяди, уготовившего ему службу в Найденовском Московском Торговом банке, он поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 296—298.

159 Первый роман Ремизова «Пруд» (отд. изд. — СПб.: Сириус, 1908) был написан по воспоминаниям о детстве, проведенном в Москве на Земляном Валу.

160 Подразумеваются публикации: Musca [Мускаблит Ф. Г.]. Две памяти. I. Короткая. II. Долгая // Ранее утро. 1909. 18 июня. № 138. С. 3; [В. п.] Плагиаг Алексея Ремизова // Русское слово. 1909. 17 июня. № 137. С. 4.

161 В рукописи фрагмент отчеркнут (со слов «Биржевое собрание еще не кончилось») и впоследствии практически без изменений перенесен в роман «Петербургский буерак». См. пятую часть («Плаггиатор») главы «На большую дорогу (Моя литературная карьера)» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 189—191).

162 Очевидно, один из исторических анекдотов, не вошедший в составленное Дж. Вазари классическое жизнеописание Микеланджело Буонарроти. Его источником могли стать другие многочисленные биографии.

163 Рюккерт Адель Федоровна (1880—1938) — старшая из дочерей Ф. И. Рюккерта. Подробнее о нем и его дочери Иде Федоровне Рюккерт см.: На вечерней заре 1907. С. 174 (прим. 77).

164 Н. М. Ремизов. См.: На вечерней заре 1907. С. 167 (прим. 8).

165 Речь идет о тексте «Письма в редакцию» Ремизова (см. прим. 122 в наст. публ.).

166 Ошибка памяти: Илья Николаевич Игнатов. См. прим. 104 в наст. публ.

167 См. прим. 122 в наст. публ.

168 Хронологический сдвиг. В реальности чтение повести «Неуемный бубен» состоялось 11 февраля 1910 года на заседании «Общества ревнителей художественного слова» при редакции журнала «Аполлон» (Мойка, 24). Аналогичную временную инверсию Ремизов допускает и в автобиографической книге «Кукха. Розановы письма» (глава «Язва»). Подробнее об этом эпизоде в биографии писателя см.: *Обатнина Е.* Неочевидный смысл очевидных фактов: А. М. Ремизов и журнал «Аполлон» // От Кибирова до Пушкина: Сб. статей в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 329—340.

169 Ср. также ремизовское объяснение собственной природы и интерпретацию образов современников: «Никогда не успокоенный, я чувствовал себя земляным, а Блока и Белого — небесными детьми» (*Кобрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 128).

170 Коллекция игрушек и природных артефактов, создававшаяся писателем с первых лет жизни в Петербурге и первоначально связанная с его работой над книгой «Посолонь» (1907), была описана в нескольких статьях современников. См.: *Волошин М.* Алексей Ремизов. «Посолонь». Изд. «Золотое Руно» // Русь. 1907. 5 апреля. С. 3; *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова. (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2; А. [Измайлов А. А.] В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 10—11.

171 В письме Ремизов использует различные приемы декорирования букв.

172 Правильно: Ревидцев Петр Михайлович — московский гастроэнтеролог.

173 Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — приват-доцент кафедры западных литератур Санкт-Петербургского университета (с 1902 года); впоследствии известный историк литературы, фольклорист, критик и прозаик. Речь идет о дружеском обеде, устроенном по поводу освобождения Аничкова из Петропавловской крепости, где он отбывал 13-месячное заключение как один из руководителей «Всероссийского крестьянского союза». Подробнее об этом см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу) // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 254—255.

174 Ресторан располагался на Большой Морской ул., в непосредственной близости от арки Главного Штаба.

175 Инициаторами и организаторами чествования были А. А. Блок, Вс. Э. Мейерхольд, Г. И. Чулков, Вяч. Иванов (см. об этом: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 354).

176 Очевидно, Ремизов вспомнил содержание своего выступления, в котором он создал игровой образ Е. В. Аничкова, опираясь на филологические исследования ученого в области поэтики русской фольклора с его традицией скоморошества. Отчасти об этом см. в труде Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (СПб., 1903—1905). Ср. запись о вечере, сделанную А. Блоком: «Основной тон всего обеда был дан одним из устроителей чествования Вяч. Ивановым (...) он предложил, чтобы каждый из присутствующих сказал — в том порядке, как сидели за длинным столом, — свое приветственное слово чествуемому» (цит. по: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу). С. 255); а также воспоминания Вл. Пяста: «В своей речи за банкетом Вяч. Иванов двумя словами замечательно охарактеризовал „юбиляра“. А именно назвал его „Дон Кихотом со внешностью Санчо Панса“...» (*Пяст. Вл.* Встречи / Вступ. статья, подг. текста и комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 126).

177 Рассказ «Петушок» (первые: Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб., 1911. Кн. 16. С. 205—221).

178 Имеется в виду магазин торгового товарищества «Братья Елисеевы», открывшийся в Петербурге в 1903 году в специально выстроенном на Невском проспекте здании (д. 58), которое стало примечательным памятником модерна (архитектор Г. В. Барановский).

179 По-видимому, в 1909 году С. П. Ремизова-Довгелло посещала лекции профессоров Императорского Археологического института (А. Н. Веселовского, И. А. Шляпкина, С. Ф. Платонова и др.) как вольнослушательница, поскольку студенткой этого высшего учебного заведения она стала в 1910 году и прошла двухгодичный курс обучения.

(СПб.) 25 мая 1909

№ 11

Сегодня тепло и пасмурно, шел дождик, кроме пяти палаток еще виднеется ряд, и на другом дворе белая палатка шатром. Глядел вчера в окно ночью: мне кажется редкий уголок Петербурга города — здание Обуховской больницы, весенняя зелень, каменный уголь и палатки в белую пасмурную, а потому тихую ночь. — Холерных сегодня (вечерн(ая) «Бирж(евка)») — 7 — опять уменьшается. Мечников говорит, что это от воды, так как большинство из заболевших взяты с пароходов. Когда я вчера тебе писал о твоей поездке к Раисе Алекс(андровне), я вот что подумал, если бы нам устроиться, хотя бы на несколько недель, но совсем самостоятельно, чтобы не разговаривать, когда не захочется, не ждать ничего, не вытягиваться. Во сне видел, кажется, Чуковского — к Котылеву не ходил, а написал письмо Чуковскому о Марксе и просил ответить, если уж тут не выйдет, тогда к Котылеву. Из газет — еще вчера (забыл написать) Лопухину заменили каторгу поселением, теперь подали на высочайшее имя. Тебе сегодня письмо есть от Карамзиновой, хотел не распечатывать до тебя, но соблазнился и прочитал, пишет о своих детях и что живут они ни плохо и ни хорошо. Потом получил уж я письмо от Лурье. Привожу его целиком.

23 мая 1909 ..... получил Ваше письмо и рукопись. Не ответил тотчас же потому, что уезжал, а по возвращении болел. Рассказ ваш, как я об этом говорил Серафиме Павловне, мы охотно поместим, но... с вынужденною оговоркою. Состояние нашего бюджета таково, что мы некоторое время должны соблюдать строжайшую экономию и вследствие этого можем оплатить ваш рассказ гонораром в размере 100 руб. за лист. Если вы можете нам на этих условиях доставить рассказ, буду очень рад. Жду вашего ответа. Само-собой разумеется, что означенный гонорар не является прецедентным для будущего. Я думаю, придется согласиться, попросив аванс 200 руб. — т. е. попросту весь гонорар вперед. Может быть, наберется немного больше 2-х листов. Заглавие «Стан половецкий. Рассказ». Подожду твоего письма: завтра утром может быть будет.

На дворе песку привезли и столько детей копаются до самого вечера. Из газет вырезал тебе один любопытный документ из Пскова, называется «Эпизод из „Бесов“».

А что делать с «Золотым Р(уном)». На письмо мое, конечно, ответа нет: как получить остающиеся 50 руб.?!

Сегодня никто не приходил, слава Богу. Завтра, как пойду из «Сатирикона» в «Речь», посмотрю, кстати, на памятник.

Благословляю тебя, деточка, с нетерпением жду твоего письма

А. Ремизов

Все-таки каждый день какие-нибудь новости да пишу.

14

〈СПб.〉 26 мая 1909

1-ый час ночи

№ 12

Видел во сне сегодня твоих бабушек и дедушек, потом Нелидова с Марией Дмитриевной. Утром ждал твоего письма — нет, решил сам уж написать Лурье о согласии печатать I ч(ась) за 100 р(у)б(лей) за лист, только чтобы аванс выслали 200 руб. Больше нельзя просить — 2 листа ведь в I части. Много раздумывал, куда? Ведь надо теперь и решил написать. Выходил в 1 ч(ас) в Сатирикон, швейцар поднес мне твое письмо (№ 4), написанное в поезде со штемпелем «Киев, 25 V», стало быть, оно путешествовало в Киев. Прочитал письмо у дверей и тогда уже опустил письмо к Лурье. В «Сатириконе» назначили прийти завтра к 2-м ч(асам), дадут вперед деньги за сказку, придется рублей 20 (15 к(опек) за стр(оку)), хочется мне за квартиру заплатит (за июнь). Из Сатирикона прошел по Невскому, видел памятник А(лександр)у III — огромный памятник. Пообедал и уж потом поехал трамваем в Речь. Та-то Соломоновская барышня нездорова, с другой разговаривал, справлялась у Гессена, и сделано распоряжение отдать в набор, записал я адрес, дал бары(ш)не, обещает известить. Дня через два, — сказала. Думаю написать Бутовой: может быть она поговорит с Милиоти, чтобы тот что-нибудь сделал — ответа нет из «З(олото)го Р(уна)». Потом на очереди два письма: Кулакову относительно места в «Общественной Пользе» и Неведомскому относительно «Мира Божьего», узнать от него, приняли бы мое произведение вообще или нет. А то, ведь, так можно живот свой скончать в «Панораме» за 10 рублей.

По дороге никого не встретил. В «Сатириконе» познакомился с карикатуристом Юнгером и видел Рославлева — пиво пьет (а когда у нас был, то графин воды выпил). Подарил мне Аверченко «Весь Петербург» (альбом карикатур). В «Речи» видел Колтановскую, тебе кланяется. Измаялся я ходивши. Сегодня, куда теплее, что прошлые дни. По Литейному пихты очень хорошо зазеленели. Холерных (вечерн(ая) Бирж(евка)) 9 (вчера 7).

Написал письмо Бутовой, чтобы что-нибудь сделала, посоветовалась бы с Лурье относительно Рябушинского. И Рябушинскому еще раз написал. Виктору (В. М. Ремизов) написал напоминание. Писем не было. Никто не приходил. Теперь от тебя из Берестовца письмо жду.

Благословляю тебя, деточка моя, поедем как-нибудь вместе в Москву смотреть, но чтобы никто не знал.

А. Ремизов

15

〈СПб.〉 27 мая 1909

около 12-ти ночи

№ 13

Во сне приснились какие-то офицеры и Соломон (С. Л. Сегаль). Офицеры это к хорошему — получил твое письмо от 25 (V. Борзна) в 9 ч(асов) вечера № 5 (I-ое из Берестовца), и Соломон — было нашествие. Приходил вечером В. В. Кузнецов, сидел долго, привез письмо от Л(юдмила) Д(авидовны) (Бурлюк). Я письмо распечатал — ничего там особенного. Приехал недели на 3-и, что-то поправлять и что-то снова делать. Они остались у Бурлюков на лето, а осенью поедут либо на Кавказ, либо здесь будут. У него везде чирьи и один в заднем проходе. Просил тебе

кланяться. Надоел мне, я уж сел писать при нем, дав ему «З(олотое) Р(уно)». Во время его прихода Вал(ентина) Алекс(андровна) зашла. Поил его и ее чаем. В(алентина) А(лександровна) оказывается уже села в вагон, чтобы в Крым ехать, но ее за 1 мин(уту) высадили, так как билета ей не взяли. (Она опоздала, что(то) такое в таком роде). А поездка была бы очень дешевая — 7 руб(лей) туда и обратно билет. Зайдет В(алентина) А(лександровна) с нафталином, дал ей денег, и переложит ковры, но не Розанов(ское) пальто: сейчас опять стало холодно.

Утром было грозовое небо, пригревало. Белая сирень зацвела у палаток и тут, у моста Семеновского на клумбах цветы. Был в «Сатириконе», получил 20 руб(лей). Такая жалос(ть), зашел конвертов купить и с меня взяли очень дорого — 25 коп(еек) за пачку. Оказывается, на Невском не стоит покупать. Вот, подишь ты, а я думал, именно на Невском и дешевле.

Вернулся из Сатирикона. Принесли из «Русс(кой) Мыс(ли)» 19 р(ублей) 77 к(опек) — доплату за «Бедовую долю» со счетом на отрывном купоне: за «Ночь у Вия» — 50 р(ублей), за «Бедовую долю» — 175 р(ублей). Видишь, как платили-то мне по-царски. Что, деточка, поделаешь? В «Ж(урнале) д(ля) В(сех)» лист 150 р(ублей), но их лист 40.000 букв и шрифта мелкого, в «Р(усской) М(ысли)» 35.000 шрифт крупный; а ведь, у меня теперь что же осталось — «Ж(урнал) д(ля) В(сех)» только. (В) «З(олотое) Р(уно)» не знаю, так они измытарили, да я думаю, они теперь не дружелюбно посмотрят. А в «Шиповник» Копельман не приглашал. Надо сделать попытку поговорить с Неведомским, сначала выяснить принципиально, можно ли принять что-нибудь. Там марксисты или вроде Неведомского подлаживающиеся.

Писем не было. В газетах (вечерн(яя) Бирж(евка)) заболело 5 (вчера 7). Все на судах из пришлых рабочих. Завтра Котылев должен известить о деньгах. Тогда уж после Котылева думаю заплатить за квартиру. От Чуковского нет ответа. Уехал, может быть. Мне хочется теперь же что-нибудь сделать с книгой.

Вот у меня проект, деточка. Как приедешь, поезжай с В(алентиной) А(лександровной) (к) Раисе (Р. А. Шалаурова) хоть на неделю, все равно надо будет мне выяснить, как с книгой устроится. А теперь скоро жара пойдет в Петербурге.

Благословляю тебя, поживи, деточка, подыши, походи среди зелени.

А. Ремизов

16

(СПб.) 28 мая 1909

совсем (к) 12-ти ночи подходит

№ 14

Снился мне сегодня Сомов, будто ты играешь, а он поет, мы где-то наверху втроем, а внизу очень много народу — я спускаюсь с лестницы посмотреть — сидят и ждут, когда еще запоет. А так как нот не было, всего одна пьеса была, то мы незаметно вышли из дому и пошли, словно по деревенским улицам, а потом очутились в Берестовце, и тут Александра Никитична (Довкгело), Сергей (С. П. Довкгело) и Наташа (Н. А. Ремизова).

Принесли письмо от И. А. Новикова, отвечу ему. Будет жить под Мценском и пишет, что если проездом буду, к нему бы заглянул. Получил 10 оттисков «Бедовой доли» и письмо (открытка) от Анны Рудольфовны (Минцловой): извещает, что у ней билет взят на 30-ое и 31-го будет в Петербурге и зайдет.

Из газет (вечерн(яя) Бирж(евка)) холерных 9 (вчера 5) всего уж набралось 34 человека.

К вечеру приходил Чуковский. Говорит, что у Маркса дела не выйдут, издадут книги 1) не меньше 20 лист(ов) 2) ко мне отнесутся недружелюбно 3) издадут на условиях, что и все издавать будут — покупают полное собрание сочинений. — Что же касается рассказа, то он мог снести его в «Ниву» и уверен, сговорился бы. Через 2 недели зайдет: если будет что, то возьмет. Я хоть и сказал, что, может быть, успею, но что успею, сам не знаю. (Ты знаешь, деточка, что все сижу над тем, что было написано — и не успокоюсь, пока не придам хоть сносной формы — I) «Под родным кровом» II) «Важное событие» (?) III) «Черная бабушка» IV) «Пасха» — и еще совсем не разработано V) «Подсолнечник» VI) «Первый роман» VII) «На новую жизнь»). Насчет «Шиповника» Чук(овский) сказал, что у них нет денег и поэтому они выдумывают разные отговорки для всякого по-разному. Что касается «Обще(ственной) Пользы», то в случае надобности он может кое-что сделать. А теперь, он завтра переговорит с каким(-то) Менделем (издатель «Колосьев» — альманах есть такой) и меня известит, если удастся ему убедить Менделя, то я пойду к Менделю с карточкой-письмом от Чуковского в понедельник. Чуковск(ий) не долго сидел. Послал Василису к Котылеву, но он там уж не живет и неизвестно, куда переехал, так как жил временно в комнате. Это меня еще раз убедило, что тут надо вести дела осторожно — с мелочью еще куда ни шло, а с книгой, нет уж. Мне надо получить за «Небо пало». И совсем уж поздно пришел Соломон. Просится, если уедем, стеречь квартиру. Напоил я его чаем, он и ушел. Что же, выйдет дело у Чуковского или нет? Пение Сомова (сон) говорит, выйдет, но Соломон все портит, пожалуй, не выйдет.

Благословляю тебя, деточка, жду письма.

А. Ремизов

В. В. Кузнецову я то же сказал, что и Гиппиусам написал, насчет Москвы ни слова.

17

⟨СПб.⟩ 29 мая 1909

11 часов ночи

№ 15

Во сне видел очень много: то будто иду я по Литейному, и народу вся улица — все запрудили, на домах и трамваях флаги, говорят, где (sic!) только вот с этого сегодняшнего дня дана какая-то действительно настоящая свобода, то будто я уж где-то в саду и там Вяч. Ив. Ив(анов) говорит: «Теперь и я выйду на улицу, теперь можно», а из сада попадаю я на какую-то каменную веранду, появляется Потемкин, он должен петь. «Кириэ лейсон» — начинает он, потом, как-то заискивающе смеясь, спрашивает: «А⟨лексей⟩ М⟨ихайлович⟩, что такое Кириэ лейсон?» А я и сам не знаю, но делаю вид, что знаю и он поет, то я в какой-то комнате и там Николай (Мих(айлович)) ⟨Ремизов⟩, он обиженно заявляет: «Я секретарь Сената и жена моя вовсе не кухарка», а Сергей ⟨С. М. Ремизов⟩ вынимает листок и читает. Слушая, я думаю: Странно в этот день свободы у Сергея обнаружился такой огромный талант — написанное им, уж не знаю, про что, но очень красиво. И уж вот я иду по деревенской улице и, пройдя дома, выхожу в поле, иду через лес, а за лесом открылся совсем будто бы неизвестный мне поселок на горе, ходил-ходил я по поселку, выбрался на какую-то узенькую улицу и уперся в каменное с большими окнами здание. Это оказалась больница. Но непременно надо пройти через нее, чтобы выйти на дорогу. Я иду по коридору. А мне говорят: «Проходите скорее, сейчас всем больным клистир ставят». Но я никак не могу выйти: маленькая, очень маленькая девочка, но крепкая, стриженная, ухватила меня за руку и не пускает. С си-

лой вырвал я руку и, наконец, вышел. Перешел дорогу, но очутился за забором в саду. Тут стоит Ольга Михайловна Мейерхольд. «Посмотрите, — говорю ей, показывая мою руку исцарапанную, — какая-то девочка в меня вцепилась, едва вырвался». К больнице в это время подъехало несколько красивых ландо. Это холерных привезли. Одного из них я вижу — это студент и думаю, одну минуту промедли, и я наткнулся бы на холерных.

Ходил к газетчику посмотрел «Н(овое) В(ремя)», нет Буренина (фельетона Буренина. — Е. О.), и в «Панораме» № 6 ничего из сказок не напечатали. Пошлю письмо Рославлеву, авось, отыщет Котылева. Да, вчера, когда я уж заклеил письмо, увидел в окно страшное зарево, горело, хоть и далеко, но прямо против нас — в газетах сегодня написали, что это на Обводн(ом) канале двухэтажный деревян(ный) дом сгорел. Заплатил (за июнь) за квартиру. От Виктора (В. М. Ремизов) письмо получил, пишет, в первой половине июня пришлет 70 руб(лей) (все, больше нет за ним), телеграфирует о дне присылки. Приходила Т. Н. Гиппиус. Сидела, не раздеваясь (часа в 2, в 3-ем). Спрашивала, отвечал кратко и мало, говорю С. П. с Вами поговорит, — это насчет того, что вызвали тебя, что больна А(лександра) Н(икитична). Оставила свой адрес, сказала, что адрес только для писем, что она получила от Розанова деньги за портрет. Я подумал, вот тебя бы, деточка, она нарисовала, просто, чтобы память была. Как думаешь? — Нат(алья) Н(иколаевна) (Гиппиус) провалилась по анатомии. Уезжает завтра. Во время обеда принесли 200 рублей из «Русской Мысли» — аванс. В вечерн(ей) Биржовке выругали «Бедовую долю» (холер(ных) 8 ч(еловек), всего 41). Я вчера перепутал адрес Котылева. К Рославлеву не посылаю, а пошлю Василису к Котылеву. Вернулась Василиса и принесла 7.50. Потом и день закончился. Сегодня очень тепло. На дворе играют на гармонье, на скрипке, плачут дети — должно быть, подрались. В углу, палатки, построили белые шатры, никого раньше не было. Какое-то завтра известие будет от Чуковского? Ох как меня с конвертами обманули, подсунули просвечивающих.

Благословляю Тебя, деточка, поживи, посмотри на сад и поля, поди уж, лен зацвел — голубенькие цветочки.

А. Ремизов

18

⟨СПб.⟩ 30 мая 1909

№ 16

Снился мне сегодня какой-то гнетущий сон: мне снилось, что какой-то человек хочет убить меня — он очень похож на того, который приставал к ⟨1 слово стерто. — Е. О.⟩, а ты ⟨1 слово стерто. — Е. О.⟩ защищала — помнишь, я тебе писал, не помню, когда это мне снилось. Словно, как с рыжими усами, без бороды. Я знаю, что перед этим человеком я невиновен, но вообще-то чувствую перед чем-то я виновен, а потому у меня нет силы сопротивляться. Это все равно, как вора остановил бы вор или уличил бы в воровстве, и уличенный вор сказал бы: я сейчас пойду и донесу на тебя что ты вор. Конечно, у того уличавшего вора не было бы сопротивления. Вот нечто подобное мне во сне снилось. Я совсем не помню содержания, но когда проснулся гнетущее чувство долго и потом уже днем было во мне.

Из газет: умер шлиссельбуржец Манучаров в Благовещенске — в «Речи» статья Новорусского.

Днем принесли 2 письма: 1) от Ходасевича (помнишь, такой червовидный), пишет насчет стихов своих для «Острова» 2) от Лундберга из Одессы, пишет, что выезжает в Силистрию и будет через 3 дня в балканских горах. И до 15 июля адрес его Черногория. Ну, это не особенно завидно.

Да, в вечерн(ей) Бирж(евке) телеграмма: на юге Франции землетрясение — в Марселе. Принесли «Сатирикон», купил «Огонек» (открытие памятника изображено). Вымыл голову. Приходила Вал(ентина) Ал(ександровна) Шалаурова): собирается к Раисе (Р. А. Шалаурова) после 5(-го). Хочется тебя дождаться. Вот и все сегодняшнее. От Чуковского письма нет и из «Речи» нет извещения. Я уж попросил Вал(ентину) Ал(ександровну) справит(ь)ся, как звать там даму, напишу ей письмо.

Отвечаю, читая твое письмо.

В 8 вечера получил твое письмо № 6 (№ 2 (из) Берестов(ца)) от 28 V (Борзна). Шло 2 дня. Отвечаю, читая твое письмо.

Я ложусь около 3-х в самое пение соловьиное, выходит, а встаю поздно, в 11 ч(асов). — Наташа, наверное, трещоткой трещит. Кланяйся и соловью и Наташе. Не беспокойся, я все умом раскидываю, все хочу к твоему приезду собрать все пожитки — кончить дела с «Речами», «Панорамами», а главное, устроить с «Караван-горюном».

Что было делать со «Станом половецким»? В «З(олотое) Р(уно)» не посылать, да были такие мотивы: они заплатили бы тоже 100 руб. (за «Иуду» с правом отдельного издания 500 руб. — в «Иуде» около 5 листов), но так бы заплатили, что измытарили(сь) бы мы, ждавши. Ведь ответа мне нет. Мои письма, хоть и очень простые, но есть в них некоторая прямота — упреки. А больше куда? Некуда, ведь сейчас после напечатания «Бедовой доли» против меня будут. Если в альманахи, то, значит, через Котылева. А тут надо уж так осторожно. Некуда, вот что. Я напишу письмо Лурье, где объясню и попрошу при первой же возможности восстановить мое прошлое звание. Потом, я хочу написать ему, что не надо примечания, что это I ч(асть) «Недобитого соловья». Пускай просто будет рассказ, а то я уж свяжусь этим.

Куприна «Яма» занимательна в той ее части, идет описание — значительность картины, там же, где рассуждения — слабо и ненужно, но — для публики, не разбирающейся в этом, для публики весь центр именно в рассуждениях, именно рассуждения и являются тем камушком, который летит в эту всякую по состоянию, но уж непременно почему-то самодовольную, самоуверенную публику, которая все знает, все может и все понимает, — так думает.

Благословляю тебя, деточка, поживи и подольше — или уж трудно.

А. Ремизов

⟨СПб.⟩ 31 мая 1909

№ 17

12-ый час ночи

Снился мне сегодня страшный сон, будто я перешел мост и попал в какую-то комнату. И встречаю Легкобытова, спрашиваю его: «Нет ли у вас „Животной книги духоборов”» (такая книга действительно вышла). Легкобытов не успел мне ответить, входит Кикимора (кухарка Наташа) и тут догадался, что она тоже хлыстовка. Она поздоровалась с Легкобытовым, потом сняла фартук, вдруг очутилась в светло-зеленом шелковом капоте, присела к столу и говорит Легк(обыто)ву: «Я хотела просить вас за мою дочь Надю» — Л(егкобыто)в только плечами передернул: значит, ничего не может. Тогда она взяла меня за руку и, словно желая показать, что она-то может очень многое, держа меня за руку и перебирая мне пальцы, — лицо ее, я видел, страшно изменилось — порозовело, словно все у ней алым обведено стало, — вдруг странно улыбнулась, и я взлетел на воздух. Сейчас же проснул-

ся. Другой сон: отыскивал я А. М. Коноплянцева на Пет(ербургской) Стор(оне), потом вошел в какой-то дом, а мне говорят, что ты сидишь в отдельной комнате и что тебя никому нельзя видеть, потому что ты в «наитии». Я все-таки прошел в комнату: вижу: сидишь на стуле и меня не видишь, хоть и смотришь на меня, лицо у тебя горит все, я наклонился и поцеловал тебя. Тут появилась Анна Рудольфовна Минцлова, говорит скоро: «С. П. сейчас будет говорить». Мне сделалось страшно, я и проснулся. Третий сон: нас откуда-то выгоняли, а со мной беда случилась: не могу удержаться и при всех пу—ю, да долго какою-то дробью.

В «Речи» фельетон Чуковского: «Апостолы трусости»: про Сергеева-Ценского и Леонида Андр(еева) и про меня, хотя про меня всего одна фраза: «Человек — это разве не гнусно? — спрашивает А. Р.» Вот и все.

Вчера вечером умер отец Сомова. Долго сочинял я телеграмму и послал { Любимый дорогой Конст(антин) Андреевич, выражаем вам наше сочувствие. Ремизовы.

Открытка от Ив(анова)-Разумника: придет 4 июня около 3-х повидаться на ½ часа. Приходил такой студент Хлебников — который слова сочиняет, рассказал, как у Вяч. Ив(анова) он был и показывал стихотворение, которое сочинил для Вяч. Ив(анова). Посидел немного и ушел. Принесли «Тропинку». В вечерн(ей) газете: холерн(ых) вновь 17 (вчера 11).

Деточка, приходится суп на один день делать, боюсь, скисает.

Приходил Соломон. Напоил его чаем. Теплынь сегодня, ты места не нашла бы в комнатах. А мне в самый раз, хоть я и отворил в первый раз окно настежь и сейчас оно открыто.

Сегодня очень мало тебе пишу, только вот и произошло. Завтра должен Котылев зайти, и может, от Чуковского письмо. Хочу ответить Ходасевичу, Новикову. Написать Шестову и спросить у Карташова: где отыскать мне житие Ивана Воина.

Благословляю тебя, деточка моя.

А. Ремизов

20

⟨СПб.⟩ 1 июня ⟨1909⟩

№ 18

12 ч(асов) н(очи)

Во сне видел Наташу и Ляляшку. Наташа, будто в пруду живет: и как это она живет, гляжу, и не могу понять, — а сделано вроде проруби (зимой происходит дело) и в этой проруби лежит. А потом прибегает Ляляшка — Сергей (Мих(айлович) (Ремизов)) мне говорит: «Не знаю, что и делать, взяла m-me Добужинская Ляляшку себе».

Из «Речи» сегодня помещено первое письмо Лундберга «Из моих скитаний», пишет, как решил он ехать и о прошлых своих путешествиях упоминает. Утром принесли открытку от Анны Рудольфовны (Минцловой), пишет, что зайти вчера не могла, устала, но что сегодня зайдет в 2—3 и что тебя она видела при отъезде (я это знаю из твоего письма). Но сегодня не зашла. Ждал я Котылева, тоже не пришел. Ждал письма от Чуковского, и тоже не получил. Прислала открытку Вал(ентина) Алекс(андровна) (Шалаурова) — справку из «Речи» о имени новой секретарши. Сейчас же написал в «Речь» письмо. Второй уж раз делаю котлеты, учу Василису, а то она плохо их делает. В Петербурге — забастовка трамваев, холерных меньше.

Вечером — недавно ушли — приходил Пришвин с Александром Михайловичем (А. М. Коноплянцев). А. М. женится на дочери священника, приглашает нас

на свадьбу (в Елец). Пришвин рассказывал, что он видел — жил он у матери в имении под Ельцом, потом о «Р(усской) М(ысли)», куда ему Минович предложила писать рецензии, о издательстве при «Р(усской) М(ысли)». Без тебя не решился послать предложить в «Р(усскую) М(ысль)» издать книгу. Напоил я их чаем и ушли: А(лександр) М(ихайлович) — в баню, Пришвин на Песочную.

Не весело день прошел. Серый день и странный вечер.

Благословляю тебя, деточка. Меня очень беспокоит, и давно хочу написать, как у тебя насчет денег. Могу всегда послать и живи ты в другом месте, без всякого запроса давно уж послал бы.

А. Ремизов

21

⟨СПб.⟩ 2 июня 1909

№ 19

2-ый час ночи

Снился мне сегодня глупый сон, будто кто-то выкликает на дворе: «окончившие археологический институт и филологический факультет или любители старины и филологии приглашаются сопровождать профессора!» Я взглянул из окна, а никого нет, все попрятались, никто не хочет выходить. Так прошло минуты две, голос снова повторил свой призыв, и снова никто не отозвался, тогда я увидел вышедшую на двор старую старуху с птичьим носом — сам профессор, он один шел осматривать сад. — Какой-то господин пристал ко мне показать ему зубы и так пристал, что за лицо меня хватает, а не хочу показывать, стараюсь не разжимать губы и уж не могу, вот разожму, и зубы у меня выпадут. — Это уж не глупо, а мучительно.

Утром приходил Котылев. Обещал известить какую не приняли, а какую приняли сказку в «Панораме» (там две: «Хмель» и «Проклятой»), взял «Караван-горюн», отправляется в издательство «Освобождение». Посидел немного, порасспросил я его (Потемкин в Риге служит контролером в дачных поездах) и отпустил. Вслед за ним пришла Анна Рудольфовна ⟨Минцлова⟩. Просидела немного. Узнал, что сегодня похороны Сомова-отца, что вчера она была на панихиде и что, по ее мнению, телеграммы от нас достаточно. (Я, деточка, право, был бы не в состоянии быть на похоронах — я ведь его никогда не видел).

Говорила, как тебя видела при самом отъезде, и о занятиях на осень и своих надеждах на осень, и о том, что проехать можно с ней в Калужск(ую) губ(ернию) к ее знакомым (я боюсь, деточка), и в Крым осенью, что можно было бы сейчас устроиться в Лесном — кто-то уезжает — но это надо сейчас, да она уверена, что мы бы не согласились. Потом насчет Москвы, о «Р(усской) М(ысли)» — чувствует, что неправое тут со мной замешалось с Лурье, и ⟨о⟩ «З(олотом) Р(уне)»

{ сегодня получил № 4 ⟨—⟩ картины Ге,
 { статья Городецкого, В. И. Иванова }

Потом, как она поедет к Котылеву по объявлению проверить. Что там за хиромантия. (Объявлением завертываю ⟨?⟩ письмо). Что еще? — Да, она до тех пор не уедет, пока не повидает тебя, ей надо тебя повидать непременно, и она думала, что ты уже приехала, просила известить или зайти в 6 ч(асов) в(ечера) во время обеда. Об Андр(ее) Белом говорила, что он ко мне относится хорошо. Спрашивала, есть ли у меня деньги (ты очень просила спросить). Я ответил, что есть. Потом о Вяч(еславе) Иван(овиче) ⟨Иванове⟩. Рассказал ей, почему я не пошел. Но вот чего я не сказал, как-то скоро все это говорилось, я не сказал, что тебе *надо дело* — это само собой и служить ты — (в библиотеке, скажем, готова), но что тебе еще *надо волю* —

простор, вырваться, поехать, посмотреть. Так? Это я скажу непременно, а, пожалуй, напишу, не сию минуту, это я все помню.

Я еще ей сказал, что я от людей всего ожидаю, это и есть то, что протягивает нить к Шестову, но вместе с тем, я всякий раз подхожу к людям со всем упованием и верой, но опять-таки не удивлюсь, только опечалюсь, если окажется, что вместо ожидаемого мне пре(по)днесут противоположное.

Вечером принесли открытку от Чуковского, он не может, а издательство не хочет издавать. Зайдет через 10 дней — 22 VI. Хорошо, что Котылев заходил. В вечерних газетах любопытное сообщение: 75-летний старик изнасиловал 3 детей — не своих — старшей 11 лет.

Напишу сейчас Вал(ентине) Алекс(андровне) поручение: узнать о Неведомском, тут ли он.

Благословляю тебя, деточка.

А. Ремизов

22

⟨СПб.⟩ 3 июня 1909

№ 20

12-ый час ночи

Снилось мне сегодня, будто идем мы с тобой по саду и встречается актер Арт(ём?) и говорю: «Здравствуйте Александр Артемьевич!» А он говорит: Меня не так зовут, вы меня не ⟨знаете⟩, я хорошо знаю, что его Дмитрием Родионовичем зовут, да смешался. Тут промелькнула Бутова. Я п(одумал) приехал Художественный театр! Но тут уж ничего не запомнилось, так какие⟨-то⟩ обрывки. Сон — пу⟨стой⟩.

День прошел совсем без писем и без посетителей. И в газетах ⟨1 слово нрзб. — Е. О.⟩ — все еще продолжается, да холера (сегодня уж 22, вчера 15).

Деточка, не написать ли Мирович, адресуясь на «Р(усскую) М(ысль)», запрос на издание «Ка(равана-)горюна»? Без тебя писать не буду, но ты подумай. Отчего не попробовать. Я что-то на Котылева не рассчитываю.

Затем насчет Неведомского. Если он тут, то я думаю сходить в редакцию поговорить с ним: возможно ли мое участие в «М(ире) Б(ожем)» или уж окончательно нет.

Деточка, закажи себе вышитую сорочку. Ты ведь свою Л. С. подарила, помнишь. Купи лучше через Л(юдмилу) Давыдовну ⟨Бурлюк⟩.

Ждал сегодня от тебя письма.

Вот сегодня маленькое письмо.

Ничего видно не совершилось и сон — п(устой). Все время который уж раз переписываю. Завтра, Бог даст, кончу «Черную бабушку». И думаю, что будут готовы пока что до новых вставок: I) «Под родным кровом» II) «Смерть» III) «Пасха» IV) «Черная бабушка». Если найдешь, что смерть можно печатать, вот попробовать в «Ниву». Я ее сейчас же, кончив IV), перепишу из книги.

Благословляю тебя, деточка.

А. Ремизов

23

Британцы

20 VIII 1909

Поезд из Крут отходит в 6 ч(асов) утра, билет стоит 7 р(ублей) (этот поезд через Брянск) без пересадки.

Наши часы (я подвел тогда на 5') верны. Я приехал в ½ 9. Поезд отходит 9 часов 35'. В 9-ь выдают билеты.

Доехал благополучно. Под конец застал дождь, но маленький. Живот, слава Богу, не болит. Все о тебе, деточка, думаю. Пальто не надевал, стало тепло. Багаж мой весит 1 п(уд) 10 ф(унтов). Я все-таки его не возьму в вагон, коп(еек) 40 переплачу.

Буду думать, деточка, не тревожись и переживи эту неделю.

Во втором же письме можно выяснить о Москве.

Будь здорова, берегись, деточка, не расстраивайся, переживи с мыслью, что скоро увидимся.

А. Р.

24

21 августа 1909

Брянск

6 ½ вечера

В Брянске остановка 2 часа. Съел все, что взял: котлеты (4), яйца (2) и 2 кусочка хлеба. Ничего не буду, хоть и остался кусочек сладкого пирога и выпил 3 стакана чаю в Крутах и в Михайловском хуторе вот сейчас.

Черниговс(кий) поезд опоздал на ½ (часа). В Крутах носильщика не дождался вынес сам подушки, потом отыскал носильщика и сговорился с ним, что он придет за вещами в 6 ч(асов) утра. Сел в уголке, где и хотел подремать. Тут поднялась гроза и ливень. Шарлотка? либо второй стакан обнаружился? и я очень испугался. Ни жив, ни мертв просидел до 5-ти часов, глаз не завел, боялся повторения, но, слава Богу, ничего не повторилось. Вот тут-то, чтобы немного подняться, я и выпил чаю.

Народу было много, у кого-то, должно быть, черниговского губернатора украли из вагона вещи. Это занимало публику, какого-то пьяного студента (sic!) (()ко всем приставал со всяким «политическим» вздором()), с каким-то поездом — ей-Богу — приехало и вдруг 10, точь-в-точь, как Татьяна Ник(олаевна) Гиппиус, и потом куда-то все 10 скрылись.

В 6-ть часов меня устроил носильщик, но народу много, и спать не пришлось. Из газет узнал, что в Москву приезжает Государь. В Петербурге холерных 16, (вчера) 20. Выхожу только там, где поезд стоит 20 минут. Хоть и хочется есть, но не решаюсь. Очень все на sale и жирно. Потерплю до Москвы.

С вчерашней грозы повторений не было. Идет дождь — полосой. Тут уж холодно и пасмурно. Лес пожелтел.

25

22 августа

8 ч(асов) 5' утра

Подъезжаю к Москве. Ночью было очень холодно. Народу понасело уйма. Сидя дремал. В 5 часов схватил живот. Принял сололу с висмутом и теперь спокойно. И не спал. Продрог и переволновался, вот, пожалуй, причина.

Сейчас солнечно и пригревает. Теперь ты, деточка, встала уж и собираешься умываться. Поскорее бы в Петербург, вместе

〈Москва〉

11 час(ов) 〈утра〉

Добрался благополучно. Выпил 2 стакана кофе. Слава Богу, живот не болит. Сейчас В(арвара) Ф(едоровна) 〈В. Ф. Ремизова〉 пошла к телефону справляться о «З(олотом) Р(уне)». Проезжая, я увидел, что редакция куда-то переехала. Сергей 〈С. М. Ремизов〉 сегодня купит конфет и пошлет. Они расходятся. Буду стараться скорее обделать все дела. Посылаю письмо Аркадия 〈А. П. Зонова〉. Сегодня ему напишу.

Благословляю тебя, деточка. Соображения свои о Москве напишу сегодня.

А. Ремизов

26

〈Москва〉. 22 августа 1909

№ 1

В(арвара) Ф(едоровна) пошла по телефону узнавать и не добилась «З(олотого) Р(уна)», ушла в Малый Театр прошение подавать. А я принялся за чистку: вымылся и обчистился — нет, все равно идти я не был бы в состоянии очень устал. Через час В(арвара) Ф(едоровна) вернулась, и я пошел с ней к телефону, долго вызывали Бутову, но пришлось в конце концов сказать, чтобы она позвонила. Так отоцал, не дожидаясь Сергея, съел супу. Тут мне В(арвара) Ф(едоровна) рассказала свою историю: приехала она третьего дня одна, Сергею она сказала, что сошлась с другим (инженер, помощник ее отца), и что жить она с ним не может. Говорила, что Сергей очень кротко отнесся. (Подробности расскажу). Около 5-и пришел Сергей, а вслед за ним Н. Ф., ее оставили обедать, но она ушла, только супу съела. — шушукались с В(арварой) Ф(едоровной), что она будет делать, но В(арвара) Ф(едоровна) очень сдержанно ей отвечала. — Сергей выходил отвечать на письмо офицеру, который живет вместе с мужем Н. Ф. Приход Н. Ф. мне очень не понравился, стало быть, ходит. У А. Ф. я разузнавал, как Сергей, в ладах ли с ними. Говорила мне, что бывали скандалы, потому что Н. Ф. интриганка, но что все бывали в пьяном виде. Потом Сергей пошел в парикмахерскую. Еще во время обеда почувствовалось, что у того и другого накипело, что оставаться даже втроем нет никакой возможности. Хоть я очень устал, но попросил сводить меня куда-нибудь в сад. Решили в «Эрмитаж». Вызвали к телефону. Бутова завтра просила в 8 ч(асов) вечера, обещала узнать адрес «З(олотого) Р(уна)». И сказала телефон Лурье. Разговаривал с Лурье. Пойду завтра к нему к часу. Авось так дела и переделаю. Пошли в «Эрмитаж» (рядом почти). Просидел я первый акт (Ночь под Ивана Купала) и вернулся. Сейчас без ¼ 10-ь. Холодно и очень скучно. Они остались.

Вот кратко день.

В(арвара) Ф(едоровна) уезжает, должно быть, в понедельник (24). (По ее отъезде сейчас же переговорю с Сергеем. Мне кажется, удобно остановиться тут, тогда телеграфирую).

В(арвара) Ф(едоровна) просит, чтобы последнее объяснение состоялось в моем присутствии, я хоть и согласился, но, пожалуй, лучше откажусь.

В(арвара) Ф(едоровна) рассказывала, что в Ефремове у них читали статью в «Р(усском) С(лове)» обо мне очень рассерженную, ч(то)б(ы) меня из литераторов выгнать, если это возможно. Если тут не достану, попрошу прислать.

Зонову написал письмо. Вере Степановне (Гриневич) не могу. Видишь, деточка, у меня почерк — две ночи не спал и все-таки, хоть и немного, а с животом мучился. Сейчас прилягу на диван.

Конфеты придется послать в понедельник. Моя вина: забыл сказать, что адрес не тот и я попросил В(арвару) Ф(едоровну) передать по телефону Сергею (это все тогда, как «З(олотое) Р(уно)» искала), но уже было 12 часов.

Деточка потерпи, немножко, очень рассчитываю на завтрашний день, что с Лурье выяснится. Благословляю тебя.

А. Ремизов

27

(Москва). 24 августа 1909

Без ¼ 1 (час)

№ 2

Вчера написал письмо, лег, не раздеваясь, и тотчас заснул. Проснулся в час: воротился С(ергей) и В(арвара) Ф(едоровна) как Викташа (В. М. Ремизов). Сел с ними пить чай. Потом стали укладываться. В средней (sic!) комнате, Сергей там, где нянька жила, В(арвара) Ф(едоровна) в спальне. (Мне показалось, В(арвара) Ф(едоровна), где нянька, С(ергей) с В(арварой) Ф(едоровной) разговаривал, раздавались сквозь сон только отдельные фразы, потом затихли. Проснулся от страха, мне почудилось (:) вышла В(арвара) Ф(едоровна) в среднюю комнату, схватила меня за ноги и по полу поволокла в следующую комнату, где мне показалось она укладывалась. «Положите наверх, как бы лежала!» (sic!) сказала она и скрылась. И я, лежа на кровати, увидел в комнате что-то такое страшное, что страна плодородная (sic!). Первое время — я еще кое-что помнил из виденного, но потом забыл. И вспоминая так, я вспомнил еще несколько слов, приснившихся мне до кошмарного появления В(арвары) Ф(едоровны) в средней комнате, вспомнил и заметил, чтобы тебе описать, но наутро забыл.

Как страшно было этой ночью. Проснулся по обыкновению в 8 ч(асов) утра. Оделся и в ожидании чаю написал небольшое письмо Вере Степановне (Гриневич), потом прочитал газету. В 11 ч(асов) поднялись С(ергей) и В(арвара) Ф(едоровна) и я стал собираться к Лурье. Ровно в 12 позвонил (Сергей кончил писать, продолжаю чернилами).¹

Сразу я заговорил о «Р(усской) М(ысли)». Лурье обещал подсчитать «Недоб(итого) соловья». Под «ничего» выдать аванса нельзя, а как только представлю, тотчас могу получить. 100 руб(лей) сбавили, потому что нет. Потом заговорил о «плагиате», что «Р(усская) М(ысль)» не обращает внимания, а он лично убежден, что «плагиата» (sic!), но что он, будучи в Петербурге, виделся с Левиным, который мне послал письмо. В письме ко мне Левин просит написать в редакцию «Речи» опровержение. Затем сказал, что Левин научит, как и что написать. И пись-

¹ Начало письма написано карандашом.

мо мое постарается устроить в «Рус(ском) Слове». Тут пришел Струве, и позвали завтракать. Струве мне сказал адрес доктора недорогого, который его вылечил. После завтрака я ушел.

У Сергея застал Бурнакина и офицера. Написал письмо Левину, что его письма ко мне не доставили и что по приезде в Петербург, я к нему зайду.

С Бурнакиным канитель тянул. Он всех ругал и вообще неистовствовал, хотя тише, чем у нас. Так как сегодняшней день Сергей считает последним днем, то после обеда пел. Голос звучал хорошо, как прежде, только он очень волновался. Офицер сидел в другой комнате, читал газеты, потом ушел. В 7 ушел Бурнакин. А я пошел к Бутовой.

(Да, Лурье взялся переговорить со Станиславским о постановке «Иуды» и просил оставить его у Бутовой).

К Бутовой он не пришел. Немного проплутав (забыл Лесной переулок), попал я к Бутовой. Разговаривал о животе — везде один разговор, потом о Наташе — какая Наташа — тема удобная, подарила она мне бутылочку St. Raphael (у ней оказывается запоры), а эту бутылку ей подарили — вино от поноса. Спрашивала о Кузмине, затем я оставил ей «Иуду», объяснив, в чем дело, да, показывала она мне два лоскутка венецианской парчи и душегрейку, подарила игрушку — монах от Троицы. И я простился. (Молоко очень у ней хорошее, выпил стакан). О том, что ты проедешь Москвой, я не сказал. Адреса «З(олотого) Р(уна)» она не узнала, завтра пойду в «Весы» и узнаю.

Вернулся домой, В(арвара) Ф(едоровна) уже спит. Завтра она уезжает, вернется на некоторое время с Ляляшкой (Е. С. Ремизовой) и опять уедет, вернется в начале сентября.

Разговаривал с Сергеем. Он говорит, что (3 строки стертые. — Е. О.).

Пошлю телеграмму, чтобы ты приехала. Рассказывал мне Сергей историю свою. Хорошо, что не пришлось быть гласным 3-им лицом, вчера состоялось последнее объяснение. А сейчас он писал письмо матери В(арвары) Ф(едоровны).

Это письмо придет 27. Больше я в Берестовец не пошлю и буду писать и сохранять, передам.

Так сделай так: билет возьми в Британах 7 р(ублей) (М(осковско-)Киево-Воронеж(ская) ж(елезная) д(орога)), который поезд отходит в 6 ч(асов) утра. Приедешь в Круты, если носильщиков не окажется, не волнуйся — 6 часов ждать придется. Садись в вагон для некурящих в дамское отделение. Так как это (8 слов стертых. — Е. О.). Остановки по 20 мин(ут), а в Брянске 2 часа (пообедай) от 5 ч(асов) до 7 ч(асов) вечера стоит. Будет тебе очень холодно. Поезд придет без ¼ 9-ь по Петербургу. На вокзале я тебя встречу. Телеграфируй только.

На столе стоят груши, вот бы тебе, деточка.

Благословляю тебя, очень мне грустно, с чем мы в Петербург приедем!

А. Ремизов

(Москва). 25 августа (1909)

Утром убирал комнату. Хоть С(ергей) и говорит, что чисто у него, а на самом деле тараканы ходят. Перебрал ноты и книги и столько извлек гнезд нечистых, будто год не выметал никто. В(арвара) Ф(едоровна) за Сергеем ушла в город. Вернулась около 2-х. Опять (в) «З(олотое)Р(уно)» телефонировал и опять безрезультатно. Пошел на Новинский. Конечно, переехали. Отыскал новую квартиру. Рябушинского нет. Разговаривал с Тастевеном, убеждал его достать мне 50 руб. Тасте-

вен обещал дать знать по телефону. Но придется мне, видно, ходить каждый день. «З(олотое) Р(уно)» прекращается. «Иуду» напечатают в ноябре. Издавать не думают. Это мне на руку. Подробности расскажу. Вернули(сь) в 6 ч(асов), пообедали и поехали на вокзал. Оказывается, В(арвара) Ф(едоровна) еще неизвестно, когда вернется. На вокзале С(ергей) устроил вроде свадебных провод, даже шампанское пили. Вернулся с ним домой и уж сидел около 3 ч(асов) ночи. Сначала он очень мучился, и плакал, а потом успокоился. Трудно мне, незнающему слов, быть в такие минуты с человеком. Во сне видел Николая Павловича (Рябушинского).

29

⟨Москва⟩. 26 августа ⟨1909⟩. Написал письмо Зонову, ч(то)б(ы) явился сюда. Потом пошел к Тастевену. Долго уламывал и получил пока 30 р(ублей). Из «З(олотого) Р(уна)» в Биржу пошел и с Сергеем к Виктору ⟨В. М. Ремизов⟩.

30

⟨Москва⟩. 27 ⟨августа. 1909⟩. Был у Николая ⟨Н. М. Ремизов⟩. Вечером кончил письмо.

31

⟨Москва⟩. 28 ⟨августа. 1909⟩. Вот уже 3 дня ложусь в 4 часа. Столько исписал бумаги, а вышло в заключение 3 страницы.

32

⟨СПб. 31 октября 1909⟩

Писулечку тебе пишу тайную. Я тебя, деточка, очень люблю. Никого не было и никто тебе не кланяется. А спрашивать про тебя спрашивали. Представь себе заец.

31 ок⟨тября⟩ 1909

А. К ..... ⟨sic!⟩

33

⟨СПб.⟩ 2 н⟨оя⟩б⟨ря⟩ 1909

Деточка моя, детюлечка, детяточка курнявочка, писульку тебе пишу китайскими буквами вроде персидских.²

Помнишь, деточка, как ты заплакала, как представила. Я этого, деточка, никогда тебе не забуду.

34

⟨СПб. 26 XI 1909⟩.

Деточка, деточка, писульку тебе пишу. Не сердись. Давай жить дружно. Не трону я ни одной строчки, о тебе написанной. И не отоптал я тебя, деточка, и в

² Письмо написано стилизованным шрифтом.

мыслях не было отоптать. «Таинственным зайчиком» пролилась в мир капля от света твоего, и кто слышит, да слышит.

У меня, деточка, душа зауныла, вот в чем дело, загоревала о чем-то, замучилась, вот в чем дело. Я на один глаз сплю: все о чем-то думаю, сам не знаю. А потом, деточка, мне и то хочется сделать и другое, и третье, а сил, должно быть, нет, ни сил, ни уменья. — Это мое внутри, а со вне тянет, погоняет что-то — мысли о том, как денег достать, как вообще-то устроиться. Я тебя, деточка, лелеять хочу, чтобы ты веселая была.

26 XI 1909.

А. Р.

35

⟨СПб. 27 XI 1909⟩.

27 ноября

Что делать, вторую писульку пишу тебе, деточка, в ожидании киселя. Сейчас 7⟨-ь⟩, а вернулся я в ½ 7⟨-го⟩. И опять надо идти: оказывается не в 6 ч⟨асов⟩, а в 8⟨-ь⟩ чествование.

У А⟨лександра⟩ Л⟨еонидовича⟩ ⟨Мендельсона⟩ я ждал немного, 20' 6-го он меня отпустил. Сел я на трамвай и доехал до Невского, а на Невском опять сел и успокоился. Оказалось не на тот попал, очнулся у Гороховой. Вышел, пошел назад — пожарных встретил — отыскал «Малый Ярославец» и там мне сказали, что Мерин-гольд назначил в 8 ч⟨асов⟩.

Иду, деточка.

27 XI 1909

А. Р.

27 XI 1909

Уходя, пишу тебе писульку, деточка, будь здорова и не волнуйся, скандалить не стану. А я ничего написал, начал думать о том, как тот с ума сошел и поверовал, а потом как перескочил к петушку из яйца индюшиного.

Мышка мне во сне снилась, старались ее убить и так и сяк, и горло сдавили и пыряли, а она все не умирает.

Какая такая это — мышка?

AP

36

⟨СПб. ⟩ 30 XI 1909

Вернулся, купил лампочек, а тебе маждаринов и решил: напишу-ка я тебе писульку, а то сколько уж дней ты от меня ни строчки не получала, как я заметил, на это-то ты, пожалуй, и сердисься.

Было у меня сегодня две встречи. Как ехал оттуда, у Гороховой слезла впереди меня дама, а когда еще она в ожидании остановки стояла впереди меня, мне бросилось в глаза ее верхнее платье: представь себе, деточка, летний бледно-желтый сак, а под ним такой платок, как я ношу на животе, видно, на плечи надет, чтобы не так холодно. Вот эта неизвестная шла впереди меня, а я сзади. В трауре она: юбка черная и креп на шляпе. Идет неровно, должно быть, мозоль натерла. Идет прихрамывает. А что так легко одета, прохожие, те, у кого шуба, по преимуществу, женщины, внимание обращают, смотрят так и не хорошо смотрят, а ⟨с⟩ каким-то

презрением. Должно быть, той, что шла впереди меня, неприятно. На Горохов(ой) вошла в дом по правую руку. Я посмотрел на вывеску у дверей: «доктор медицины».

И думаю так произошло: кто-нибудь умер, муж ли, брат ли или еще кто, с кем жила, и шубу-то заложила и вот простудилась, идет к доктору.

Пошел на свою сторону. Гляжу, навстречу народ идет как-то особенно. И все ближе. Всматриваюсь. А уж тут и всматриваться нечего. Быстро идут: два городо-вых по бокам, а в середине какая-то, должно быть, прислуга, вроде Василисы, и так всхлипывает страшно — всхлипнет да руки как-то кверху, точно схватиться за что хочет или пробудиться хочет, думаю, не во сне ли.

А сбоку народ, так и бежит:

— Поворуюшь! — говорит какой-то.

И все чему-то рады. Ой, Господи, почему все так рады, когда вот так идет человек и всхлипывает и руками цепляется.

Да, если бы это был сон! За сон человек не отвечает.

— Поворуюшь! —

Прошла женщина с городовыми и народ прошел — свидетели кражи и зрите-ли и пострадавшие. Я повернул в Казачий переулок и мне вспомнилось, как я воз-вращался с Аничкова торжества. Как металась по тротуару штук 5 проституток, и одна в голубой бархатной шубке с голубым пером бросилась ко мне, чтобы я ее про-вел мимо атаковавших город(овых).

— Миленький, голубчик, — хваталась она за меня, — проведи меня, вроде как я ваш товарищ.

Я шел. Вспомнил и застыдился, как мало — и этого не сделал. Ну что бы мне провести. А впрочем

А. Ремизов

37

⟨СПб.⟩ 12 XII 1909

Деточка, я пойду, я пройду немного дальше, ч(то)б(ы) погулять, ч(то)б(ы) боль утихла, это оттого, что не гулял. Скажу, что из археологич(еского), а если что-нибудь тебя задержит, то я пойду домой один.

АР

Писулька вышла грустная, очень больно.